

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Зеев Гейзель

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ
ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

МОСКВА – 2001 г.

Лицензия ЛР № 030697 от 29.07.1996 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЗЕЭВ ГЕЙЗЕЛЬ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ
ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

Подписано в печать 27.04.2001 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 24,5 уч. изд. л.

Тираж 1000 экз. Тип. Зак. №

Типография ГНЦ РФ «НИОПИК»

103031 Москва, Нижний Кисельный пер., 5

Научное издание

Е.Я.Сатановский

ИЗРАИЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ВЕРОЯТНЫЕ
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРОТИВНИКИ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПАРТНЕРЫ
М., 2001, 163 стр.

Книга представляет собою углубленное исследование роли и места Государства Израиль в системе современных международных отношений. Материал исследования выстроен по географическому и проблемному принципу, что позволяет воссоздать реальную и достоверную картину присутствия Израиля на мировой политической сцене, оценить его внешнеполитический потенциал и выявить факторы, влияющие на жизнеспособность этой страны и ее судьбы в первой половине XXI века. Книга рассчитана на специалистов-востоковедов, работников практических организаций и лиц, интересующихся проблемами Ближнего Востока.

ISBN 5-89394-055-5

ISBN 5-89394-055-5

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗРАИЛЬ В НАЧАЛЕ ХХІ В.	7
1. ИЗРАИЛЬ В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ ЗАПАДНОГО МИРА	9
США	9
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	14
ФРАНЦИЯ	15
ГЕРМАНИЯ	16
ДРУГИЕ СТРАНЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И ЗАПАДА В ЦЕЛОМ	17
2. ИЗРАИЛЬ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	21
ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И ПРИБАЛТИКА	21
РОССИЯ	22
ДРУГИЕ РЕСПУБЛИКИ БЫВШЕГО СССР	36
3. ИЗРАИЛЬ И НЕИСЛАМСКАЯ АЗИЯ	38
ИНДИЯ	38
КИТАЙ	38
ЯПОНИЯ	39
СТРАНЫ ЮВА	39
4. ИЗРАИЛЬ И ТРЕТИЙ МИР	41
ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА	41
АФРИКА	41
5. ИЗРАИЛЬ И СТРАНЫ ИСЛАМСКОГО МИРА	43
ПАЛЕСТИНА	43
СИРИЯ	55
ЛИВАН	58
ИОРДАНИЯ	59
ЕГИПЕТ	62

ИРАК	66
МОНАРХИИ ЗАЛИВА	68
ИРАН	73
ТУРЦИЯ	79
ПРОЧИЕ СТРАНЫ ИСЛАМСКОГО МИРА	82
6. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМИСТСКОГО ТЕРРОРИЗМА	87
7. ИЗРАИЛЬ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ	96
ООН	96
НАТО	97
ЕВРОСОЮЗ И ЕЭС	98
8. ВЛИЯНИЕ ОСОБЫХ ФАКТОРОВ	100
ИЗРАИЛЬ И ЕВРЕЙСКАЯ ДИАСПОРА	100
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ИЗРАИЛЯ И	
ИЗРАИЛЬТЯН И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА –	
СОВПАДЕНИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ	105
ВНУТРЕННИЙ КРИЗИС ИЗРАИЛЬСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-	
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ	109
Атомизация и маргинализация политической жизни	110
Кризис национальных институтов	112
Усиление внутреннего противостояния	117
Левые против правых и проблема «поселенцев»	118
Теократизация израильского общества и сопротивление ей	123
В поисках национальной идеи	128
Кризис идентификации израильских арабов – част-	
ная проблема или начало гражданской войны	135
9. ДОЖИВЕТ ЛИ ИЗРАИЛЬ ДО СТОЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ?	141

CONTENTS

ISRAEL IN THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY	7
1. ISRAEL IN THE FRAMEWORK OF THE WESTERN WORLD POLICY	9
USA	9
GREAT BRITAIN	14
FRANCE	15
GERMANY	16
OTHER COUNTRIES OF WESTERN EUROPE AND THE ENTIRE WESTERN WORLD	17
2. ISRAEL IN THE POST-SOVIET SPACE	21
WESTERN EUROPE AND BALTIC AREA	21
RUSSIA	22
OTHER REPUBLICS OF THE FORMER USSR	36
3. ISRAEL AND NON-ISLAMIC ASIA	38
INDIA	38
CHINA	38
JAPAN	39
SOUTH-EAST ASIA COUNTRIES	39
4. ISRAEL AND THE THIRD WORLD	41
LATIN AMERICA	41
AFRICA	41
5. ISRAEL AND COUNTRIES OF ISLAMIC WORLD	43
PALESTINE	43
SYRIA	55

LEBANON	58
JORDAN	59
EGYPT	62
IRAQ	66
GULF MONARCHIES	68
IRAN	73
TURKEY	79
OTHER COUNTRIES OF ISLAMIC WORLD	82
6. GLOBALIZATION OF ISLAMIC TERRORISM	87
7. ISRAEL AND INTERNATIONAL ORGANIZATION	96
UNO	96
NATO	97
EC AND EEC	98
8. IMPACT OF SPECIFIC FACTORS	100
ISRAEL AND JEWISH DIASPORA	100
EXTERNAL ECONOMIC INTERESTS OF ISRAEL AND ISRAELIS AND THE EXTERNAL POLICY OF THE STATE – COINCIDENCES AND CONTRADICTIONS	105
INTERNAL CRISIS OF ISRAELI SOCIO-POLITICAL LIFE	109
ATOMIZATION AND MARGINALIZATION OF THE POLITICAL LIFE	110
CRISIS OF THE NATIONAL INSTITUTES	112
STRENGTHENING OF INTERNAL CONFRONTATION	117
LEFTISTS AGAINST RIGHTISTS AND THE PROBLEM OF “SETTLERS”	118
THEOCRATIZATION OF ISRAELI SOCIETY AND STAND UP AGAINST THIS TREND	123
WHEN SEARCHING THE NATIONAL IDEA	128
CRISIS OF ISRAELI ARABS IDENTIFICATION – SPECIAL PROBLEM OR THE BEGINNING OF THE CIVIL WAR	135
9. WILL ISRAEL LIVE TO HER 100 YEARS JUBILEE	141

ИЗРАИЛЬ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В той же мере, в какой вся вторая половина XX века в целом прошла на Ближнем Востоке под знаком арабо-израильского противостояния, 90-е годы ушедшего столетия стали периодом арабо-израильского урегулирования. Урегулирования, заметим, шедшего в весьма специфических условиях, которые, с одной стороны, сделали его возможным в принципе, с другой, – заложили в его основу немалое количество «мин», угрожающих взорвать ситуацию в будущем – отдаленном или ближайшем.

Отметим несколько основных моментов, общих и частных, характеризующих положение Израиля на международной арене в начале XXI века. Это:

1. Глобализация как основная тенденция развития: немедленная реакция мирового сообщества на любое событие, в том числе местного значения, в какой-либо стране, а также всеобщее национальное, религиозное и культурно-цивилизационное «перемешивание» современного мира;

2. Общемировая и региональная гегемония США (однополярный мир), все «вызовы» которой носят теоретический характер;

3. Смещение приоритетов мировой политики из области национально-государственной прагматики (реализации «государственных интересов» тех или иных государств, доминирующих на мировой арене), в область *практического воплощения*, в том числе насильственным путем, странами Запада *теоретических* «западных ценностей» (демократии, прав человека и пр., включая такие сферы, как равноправие полов, религиозных, национальных и сексуальных меньшинств и т.д.) в регионах и

странах (Азии, Африки, Латинской Америки, Восточной Европы), находящихся на других стадиях общественно-политического развития, без учета цивилизационной дистанции между ними;

4. Увеличение возможностей влияния на политические процессы общественных и религиозных объединений, лоббирующих организаций и прессы за счет уменьшения возможностей государственных институтов;

5. Усиление противостояния развитых и развивающихся государств, переход ряда государств Третьего мира в состояние необратимого кризиса;

6. Кризис системы социализма, распад СССР, экономическая и военно-политическая деградация постсоветского пространства.

Непосредственно касающиеся Израиля принципиальные факторы:

1. «Большая русская алия» и, как следствие, принципиальное изменение экономического положения страны: переход количества в качество;

2. Перманентный внутриполитический кризис и кризис национальных институтов;

3. Кризис идеологии сионизма как национальной идеологии;

4. Усиление как влияния ортодоксии, так и сопротивления ему;

5. Потеря Израилем «образа врага» на постсоветском пространстве;

6. Изменения в отношениях Израиля и еврейской диаспоры;

7. Качественное усиление палестинского фактора;

8. Кризис самоидентификации израильских арабов;

9. Перспектива перехода демографического, экономического и экологического кризиса в ряде стран – соседей Израиля в необратимую фазу.

1. ИЗРАИЛЬ В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ ЗАПАДНОГО МИРА

США

Соединенные Штаты Америки традиционно рассматриваются в Израиле в качестве главного гаранта существования государства в его военно-политическом противостоянии с соседями и экономического партнера № 1. Исходя из этого и складываются американско-израильские отношения практически во всех сферах. При этом нет в мире ничего неизменного, и в первую очередь это относится к внешнеполитическим приоритетам США, страны, достаточно прагматично отстаивающей в мире в первую очередь собственные интересы.

В период противостояния с СССР интересы эти по большей части совпадали если не со стратегическими, то с тактическими интересами Израиля. Однако и в это время США не были заинтересованы в чрезмерном усилении еврейского государства и достаточно последовательно отстаивали эту линию, тем более что в самом Израиле она была практически незаметна на фоне жесткой конфронтации с СССР.

В настоящий период проблемы Ближнего Востока потеряли для США былую остроту. Из сферы американской стратегии, списка приоритетов, оказывающих влияние на жизненные интересы США, такого уровня, как: контроль над мировыми коммуникациями, топливно-энергетическим рынком и рынком вооружений, не говоря уже о военно-стратегическом противостоянии с СССР, ближневосточная политика перешла в сферу тактики, имеющей отношение не столько к

существованию самих США как целостного организма, сколько к частностям предвыборной и корпоративно-конкурентной борьбы.

Как следствие – изменение соотношения заинтересованности США в уровне влияния на Израиль (и поддержки его) и на арабские страны, являющиеся соседями Израиля, в том числе бывшие сателлиты СССР, – не в пользу Израиля. Характерным признаком этого стала война в Персидском заливе, в ходе которой Израиль впервые за всю историю государства под давлением США не ответил на обстрел своей территории, чтобы не осложнять американо-арабские отношения в антииракской коалиции. Американская администрация относится сегодня к Израилю гораздо прагматичнее, чем в 80-90-е годы, оказывая на него намного более результативное давление, чем за всю предшествующую историю страны. При этом в новых масштабах применяются приемы, оправдавшие себя в прошлом, в частности «феномен Киссинджера»: евреи в администрации США эффективнее всего защищают *американские* интересы в случае, если они вступают в противоречие с национальными интересами Израиля, хотя зачастую воспринимаются израильским и мировым общественным мнением в качестве естественных лоббистов *Израиля*. В правление президента Клинтона они практически нейтрализовали так называемое израильское лобби, старый еврейский истеблишмент, потеснив его с традиционных позиций посредника между США и Израилем.

Показательно, что начало XXI века ознаменовалось в американо-израильских отношениях тремя основными вехами: взаимопроникновением американской и израильской экономической систем, беспрецедентным «участием» США в палестино-израильском урегулировании и жестким полити-

ческим давлением администрации США на Израиль в интересах американского ВПК. Кэмп-дэвидские соглашения с Египтом 70-х годов, послужившие основой «холодного мира» Израиля с этой страной, одновременно заложили основы финансовой зависимости Израиля от США, закрепили подчиненную роль израильского ВПК по отношению к интересам ВПК американского и жестко ограничили формат возможных соглашений Израиля с его арабскими соседями: ни один из арабских лидеров не может получить от израильтян меньше, чем получил Садат, как бы ни было для него соблазнительно окончательное урегулирование. Именно с этим связана проблемность достижения мира между Сирией и Израилем, не говоря уже о совершенно неясных перспективах на палестинском направлении. Американское давление в сочетании с внутренними факторами закрепили во внешней политике Израиля в качестве доминирующего принцип «Мир в обмен на территории». Однако то, что было относительно просто реализовать в отношении Синайского полуострова, оказалось сложным в части Голан, еще более сложным в случае Западного берега, а уж по отношению к Иерусалиму – угрожает взорвать Израиль изнутри. Израиль в течение десятилетий шел в фарватере американской политики, теша себя распространенными в мировом сообществе иллюзиями об «особых» американо-израильских отношениях. Однако реальные итоги воплощения американской модели ближневосточного урегулирования ничем принципиальным не отличаются для Израиля от советских предложений поры глобальной американо-советской конфронтации, расценивавшихся в то время в Израиле как откровенно проарабские, попирающие национальные интересы страны и ставящие ее на грань уничтожения.

Особенно это заметно на фоне реальных проблем, связанных с ходом и будущим палестино-израильского урегулирования. Итоги его все более походят на капитуляцию Израиля, никем, за исключением крайне правых израильских политиков, не называемую так прямо, но проводимую де-факто, при абсолютном доминировании в национальных и мировых средствах массовой информации победной «мирной» риторики. Налицо «сворачивание» государственного суверенитета Израиля под давлением мирового сообщества и израильского левого лагеря. Одновременно само существование Израиля все в большей мере попадает в зависимость от заинтересованности в нем США, при том что профессионализм американских подходов к проблемам Ближнего Востока вызывает большие сомнения. Совершая точно выверенные и по отдельности абсолютно верные тактические шаги, американская ближневосточная политика отличается отсутствием стратегической перспективы. Попросту говоря, США, применяющие на ближневосточном политическом «шукке» правила западного «супермаркета», могут выиграть все сражения, но почти наверняка проиграют войну в целом. Это относится ко всем региональным конфликтам с участием США на протяжении последних десятилетий, которые либо разворачивались отнюдь не так, как предполагали в Вашингтоне, либо в какой-то момент воздействие местных факторов перевешивало американские расчеты, приводя зачастую к противоположным по сравнению с ожидаемыми результатами. Примеры тому: провал политики санкций по отношению к Ливии, Ирану, Ираку, крушение миротворческих миссий в Ливане и Сомали, приход к власти в Афганистане, в результате пирровой победы американской политики над политикой советской, режима агрессивных исламских фана-

тиков крайнего толка, по сравнению с которым хомейнистский революционный Иран представляется страной либеральной, модернизированной и прозападной... Позволительно принять стратегический непрофессионализм американских экспертов по Ближнему Востоку как данность. Анализ причин этого – отдельная тема. Существенно то, что слепая вера руководства Израиля в «старшего брата» при принятии жизненно важных для страны решений может подвести не столько из-за «коварства» американских экспертов, сколько из-за обычного их непрофессионализма. При этом ошибка соответствующего уровня, которая для США будет заметным и досадным, но все же частным эпизодом, для Израиля может стать фатальной.

Следует отметить, что взаимная интеграция экономик Израиля и США, в первую очередь в связи с участием американского капитала в израильской приватизации, и роста объема американских инвестиций в Израиль, а также выход на американский рынок, в том числе фондовый, израильской промышленности «высоких технологий», являются значительно лучшим залогом будущего Израиля, чем политические гарантии, основанные на неизбежно преходящих интересах. При этом определить, в какой мере американская заинтересованность в израильском «хай-техе» конкурентоспособна американской заинтересованности в арабской нефти, не представляется возможным. Политические и общественные симпатии в сегодняшних США по отношению к Израилю и его арабским соседям – как минимум равны, при том что чаша весов чаще склоняется не в пользу Израиля. Проблематично даже отношение к Израилю американской еврейской общины. Значительная часть ее уверена в том, что будущему еврейского государства ничего не угрожает, а отношения ее с израильским истеблишментом в 90-е годы значи-

тельно охладилась. Свою роль в этом сыграла и активная палестинская пропаганда, абсолютно профессионально разыграв карту общедемократических ценностей.

При всем вышесказанном США, безусловно, являются не только единственной доминирующей в мировой политике силой, но и наиболее связанным с Израилем государством Запада. Втягивание Израиля в орбиту американской политики и подчинение его американским политическим и экономическим интересам за счет собственно израильских – процесс естественный, предсказуемый и, с точки зрения значительной части израильского истеблишмента, оправданный. В настоящее время никакой альтернативы ему в израильской политике не просматривается. Даже израильские политики, обеспокоенные ростом влияния США на Израиль, с опасением относящиеся к будущему страны в прокрустовом ложе американских политических теорий, критикуют не столько стратегию, сколько тактику движения Израиля «к мирному будущему» под американским патронажем.

Великобритания

Великобритания для Израиля, с одной стороны, – колониальная держава, борьбу с которой вели отцы-основатели государства, страна, отделившая от подмандатной Палестины Заиорданье, переданное Хашимитской династии, традиционный патрон и партнер консервативных арабских монархий и место сегодняшнего пребывания значительного числа исламистских группировок. С другой стороны, – это государство, законодательные акты которого легли в основу израильской демократии, а в истории отношений Израиля и Великобритании есть и такие светлые пятна, как декларация Бальфура, Еврейский легион и борьба с фашизмом.

Великобритания – одна из наиболее заинтересованных в Ближнем Востоке европейских держав, причем единственная, помимо США и Франции, из стран Запада, осуществляющая военное присутствие в регионе. Ее экономические интересы лежат в первую очередь в арабском мире и в гораздо меньшей степени – в Израиле. При этом экономика Великобритании опирается на добычу нефти в Северном море и практически не зависит от ее внешних поставок, что дает стране значительно больше политических «степеней свободы», чем прочим государствам Западной Европы, исключая нефтедобывающую Норвегию. В то же время академические связи Израиля и Великобритании не менее прочны, чем у арабских стран, а сильная и влиятельная еврейская община страны является составной частью ее истеблишмента на всех уровнях, вплоть до самых высших. Кроме того, Великобритания имеет собственные внутренние проблемы с соблюдением прав человека в связи с конфликтом в Северной Ирландии, так что в аналогичном вопросе, касающемся палестино-израильского противостояния, занимает значительно более мягкую, по отношению к Израилю позицию, чем другие страны Европы.

Франция

Франция, традиционно активная на Ближнем Востоке, значительно более заинтересована в Сирии, Ливане и Ираке, чем в Израиле. Экономические и политические интересы ее в первую очередь связаны с арабским миром.

В арабо-израильском конфликте Франция при всей внешней риторике, подчеркивающей ее объективность, демонстрировала и демонстрирует приверженность защите интересов арабской стороны. Это заметно тем более, чем

большой вес приобретает арабское население страны. При этом арабская община Франции, политически не менее активная, чем еврейская, во внутренней жизни значительно более агрессивна. На антиизраильском и антиеврейском направлениях ее интересы парадоксально смыкаются с интересами французских ультраправых – естественных врагов французских арабов по всем прочим вопросам. Начавшийся в конце XX века пересмотр уроков Холокоста и роли в его организации французских коллаборационистов еще более способствует усилению во французской политике проарабской и антиизраильской составляющей. Не следует недоучитывать и ослабление позиций еврейского лобби в годы правления президента Ширака по сравнению с той ролью, которую оно играло при Миттеране. Фактически, Франция все в большей мере берет на себя роль адвоката антиизраильских сил в Западной Европе.

Германия

Особые отношения Израиля и Германии, сложившиеся после Второй мировой войны, как представляется, ослабеют в начале XXI века с усилением Германии в Европе и мире в целом. Значительную роль в этом играет смена поколений лидеров на немецкой политической сцене. Новое поколение немецких политиков стремится к активизации и усилению Германии на мировой политической арене, в том числе на исламском Ближнем Востоке. При этом руководители объединенной Германии, явного лидера Западной Европы, не желают вечно нести вину за преступления нацизма и относятся к упоминаниям о них (ставшим общим местом при любых внутри- и внешнеполитических действиях Германии) с неприкрытым раздражением, полагая, что прошлое должно

остаться в прошлом, XX веке. Деструктивна в целом для немецко-израильских отношений и роль руководства еврейской общины самой Германии, напористо эксплуатирующего на протяжении десятилетий тему Холокоста для получения значительных даже по немецким масштабам прямых и косвенных льгот и дотаций (при учащении финансовых скандалов в общине). В то же время уровень экономических и политических связей Германии с Израилем и еврейским миром в целом сопоставим с уровнем арабско-немецких отношений, а в академической области существенно выше. Свою роль играет и значительно большая толерантность немецкого общества по отношению к евреям и Израилю, чем в других странах Европы, заложенная на протяжении десятилетий антинацистской пропаганды, и усиление в самой Германии антиисламских настроений вследствие увеличения турецко-курдской общины страны и усиления в ней внутренних конфликтов. В итоге намечается тенденция к охлаждению отношений Германии и Израиля, но они остаются значительно более взвешенными, чем с другими европейскими странами.

Другие страны Западной Европы и Запада в целом

Ухудшение *израильско-австрийских* отношений вследствие прихода к власти в Австрии правительства, включающего ультранационалистов фашистского толка, лишь подвело черту под долгим периодом взаимного охлаждения. Как представляется, Австрия, в которой процессы послевоенной денацификации не приняли в отличие от Германии сколь бы то ни было значительных размеров, подвергла фактической ревизии собственное прошлое. В немалой степени способствовало этому послевоенное позиционирование Австрии не в качестве колыбели нацизма, отвечающей за последствия

прихода фашистов к власти наравне с Германией, а в качестве его первой жертвы. К середине 90-х годов Австрия заболела «комплексом национальной неполноценности», потеряв исключительно важную для небольшого центрально-европейского государства с неизжитыми имперскими амбициями роль эксклюзивного посредника между Западом и странами бывшего социалистического блока. В частности, отношения Израиля с Австрией в течение нескольких десятилетий строились с учетом ее значения как «перевалочного пункта» при организации эмиграции в Израиль из Советского Союза. Конец этому периоду подвел распад СССР и организация прямых эмиграционных потоков в Израиль с территории бывших советских республик. «Кризис Йорга Хайдера» задал прообраз будущих израильско-австрийских отношений, однако истинные причины их ухудшения коренятся значительно глубже.

Израильско-швейцарские отношения, с одной стороны, испытали на рубеже веков проверку на прочность давлением, оказанным на Швейцарию правительством США и Всемирным Еврейским Конгрессом в связи с вопросом возврата «еврейских денег» (замороженных в течение десятилетий на счетах в швейцарских банках средств, принадлежавших жертвам Холокоста). С другой стороны, совместное участие в международном алмазном рынке и взаимное значение Швейцарии и Израиля друг для друга на финансовых рынках способствовали их сохранению.

Не проявляется тенденция к изменению традиционно ровных отношений Израиля со странами *Бенилюкса и Скандинавии*. С *Бельгией и Нидерландами* их укрепляет совместное участие в многомиллиардном алмазном бизнесе, контролируемом влиятельными еврейскими общинами этих

стран, а взаимная заинтересованность в кооперации на мировых финансовых рынках влияет на отношения с *Люксембургом*. На взаимосвязях со странами *Северной Европы* до сих пор сказываются: исключительная позиция *Дании* во время Второй мировой войны, предотвратившая датский Холокост, основанная на произраильском протестантизме роль *Финляндии* в организации иммиграции в Израиль евреев из СССР и постсоветских республик, традиционно взвешенная позиция нейтральной *Швеции* и сложившаяся в 90-е годы посредническая роль *Норвегии* в палестино-израильских отношениях. При этом Норвегия, имеющая тесные контакты с обеими сторонами, не зависит от роста цен на нефть, что исключает возможность использования против нее «нефтяного оружия».

Из стран *Южной Европы* *Испания* и *Португалия* занимают по отношению к Израилю взвешенные позиции, в большой мере основанные на пересмотре средневековой истории этих государств, популярном среди их истеблишмента в конце XX века «поиске еврейских корней», а также их роли в спасении евреев Западной Европы в годы Холокоста. Фактор массовой нелегальной арабской иммиграции, ставшей значительной проблемой на Иберийском полуострове, также имеет немалое значение для укрепления среди местной бюрократии позитивного отношения к Израилю.

Греция – страна традиционно проарабская и пропалестинская. Ее еврейская община невелика, слаба и не имеет веса в глазах местных властей, а влияние в Афинах, самом левантийском городе Западной Европы и самом европейском городе Леванта, арабских (в том числе палестинских) транснациональных корпораций чрезвычайно велико. Не-

мало сказывается на греко-израильских отношениях и высокий уровень сотрудничества (в том числе в военно-технической сфере) Израиля с Турцией – исконным противником Греции, мирные отношения с которой последняя поддерживает только под большим давлением со стороны США и стран Западной Европы.

В сфере *итальяно-израильских* отношений следует отметить не только традиционно значительно более низкий, чем во Франции или Австрии антисемитизм, но и двойственность позиции папского престола. С одной стороны, современный Ватикан поддерживает исключительно высокий уровень отношений с еврейским государством, и роль его в послевоенном пересмотре христианской истории вообще и католической (включая повседневную практику), в частности, а также в установлении новых отношений между христианами и евреями, основанных на общем осознании трагедии Холокоста, чрезвычайно велика. С другой стороны, политически и психологически руководство римско-католической церкви вынуждено учитывать фактор присутствия в сфере своих прямых интересов многочисленной арабской паствы.

Отношения Израиля и *Канады* строятся как с учетом фактора экономической и политической близости обоих государств к США, так и влияния канадской еврейской общины и высокого уровня взаимодействия Канады с Израилем в целом ряде областей экономики, науки и академической жизни. Это же касается ровных отношений с *Австралией* (в большей мере) и *Новой Зеландией* (в меньшей). Значительно более высокий уровень отношений Израиля с Австралией объясняется как ролью местной еврейской общины, так и заинтересованностью Австралии в сотрудничестве с Израилем на рынке алмазов.

2. ИЗРАИЛЬ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Восточная Европа и Прибалтика

С распадом социалистического содружества отношения Израиля со странами Восточной Европы и бывшей советской Прибалтики значительно укрепились. Связано это как со стремлением этих государств к интеграции в Западный мир (и прямой зависимостью от США), так и с дипломатической и экономической активностью самого Израиля и международных еврейских организаций, в первую очередь таких, как Всемирный Еврейский Конгресс, Джойнт и Еврейское Агентство (Сохнут). Перенос европейских офисов еврейских организаций и фондов в такие города, как Прага и Будапешт, значительные внешние финансовые вложения в инфраструктуру местных еврейских общин, многочисленные высокопоставленные миссии из США и стран Западной Европы в государства Восточной Европы и Прибалтики в 90-е годы способствовали осознанию руководством и истеблишментом этих стран, насколько выгодна «еврейская карта» на сегодняшнем этапе их развития. Ровные отношения их с Израилем имеют тенденцию к упрочению, в том числе в связи с совместными экономическими и военно-техническими проектами, как в области прямых поставок военной техники и вооружений, так и реконструкции имеющейся у них военной техники советского производства.

Важную роль играет для нового этапа отношений этих стран с Израилем и фактор осознания Холокоста, иногда

демонстративного, на фоне усилий по интеграции их в европейское сообщество. В то же время, процесс этот идет по-разному в странах так называемой *народной демократии* и *республиках Прибалтики*, где сильны националистические партии и движения, культивирующие память о местных военных формированиях, в том числе СС-овских, сражавшихся против СССР на стороне фашистской Германии.

Следует отметить особую позицию Израиля по отношению к процессам, происходившим и происходящим в *Косово*, отличающуюся от западной в целом. Возникновение на территории Косова европейского плацдарма «зеленого интернационала» с укреплением там албанских исламистов, использовавших для этого противостояние Запада и сербского президента Милошевича, рассматривается в Израиле как фактор угрожающий.

Россия

Россия является наиболее серьезным партнером Израиля на постсоветском пространстве. В числе направлений взаимодействия следует выделить: общественно-религиозное, политическое (в том числе борьбу с исламским терроризмом), военно-техническое, развитие добывающих и обрабатывающих отраслей промышленности, сельского хозяйства, финансов и инфраструктуры.

Смена приоритетов политики Москвы с окончанием периода глобальной конфронтации двух мировых идеологических систем, непосредственным итогом которой было советско-израильское противостояние практически во всех областях, уход идеологии из сферы непосредственного влияния на политику и экономику в начале 90-х годов XX века и прекращение практики государственного антисемитизма спо-

способствовали открытию нового периода в российско-израильских отношениях. В немалой степени на их становление на новом этапе повлияли российские и советские корни израильского государства и общества, а также иммиграция в Израиль миллиона «русских» евреев из республик бывшего СССР. В итоге к началу XXI века подавляющее большинство жителей России имело в Израиле знакомых или родственников, причем в новых условиях контакты с эмигрантами не только не были опасны, но несли значительный позитивный потенциал, открывая дополнительные возможности в карьере и жизнеобеспечении на постсоветском пространстве.

Особую роль отношения с Израилем играли и играют для структур Российской Федерации, являющихся правопреемниками дореволюционных российских институтов в части владения имуществом и недвижимостью в Палестине, в том числе главного и наиважнейшего из них: Русской Православной Церкви, религиозные и имущественные интересы которой заставляли ее стремиться к поддержанию этих отношений даже в период советско-израильской конфронтации 60-х – 80-х годов. Отметим, впрочем, что возникновение Палестинской Национальной Автономии, на территории которой сосредоточено немалое число объектов, входящих в сферу интересов РПЦ, а также присутствие в регионе православного арабского клира и его паствы, заставило руководство РПЦ развивать отношения как с Израилем, так и с Палестиной, балансируя между ними подобно тому, как это вынужден делать Ватикан.

В области политической следует отметить беспрецедентный рост к началу XXI века уровня контактов израильского и российского руководства, вплоть до постоянно дей-

ствующего прямого телефонного моста между руководителями обеих стран и сложившейся практики неофициальных прямых контактов на высшем уровне через специальных представителей, минуя официальные каналы МИД РФ и Израиля. Отношения, формирующиеся между Россией и Израилем, с течением времени все более напоминают американо-израильские, однако складываются они на значительно более широкой базе, что вызывает немалую ревность США, традиционно опасаящихся усиления на Ближнем Востоке, в том числе в Израиле, советского, а теперь и российского влияния. Широкие контакты между двумя странами на уровне «народной дипломатии» в 90-е годы, «русификация» Израиля, возникновение в нем «русских» партий, «русской» группы в парламенте, влиятельного политического и военнополитического пророссийского лобби, сделавшего ставку в стратегии национального развития Израиля на налаживание израильско-российских отношений не столько в качестве альтернативы отношениям американо-израильским, сколько для обеспечения возможности политического маневрирования Израиля в условиях баланса между мировыми политическими центрами, а также «израилизация» значительной части российской элиты способствовали этому.

Как уже говорилось, Израиль, в который на протяжении 90-х годов из стран бывшего СССР иммигрировало около миллиона человек, несколько сот тысяч из которых сохранили российское гражданство, для подавляющей части элиты и руководства России перестал быть не только вероятным противником, но и сколь бы то ни было враждебным государством. Значительный процент среди иммигрантов смешанных семей и высокая степень интегрированности евреев бывшего СССР в русскую культуру привели не только к воз-

никновению этнической «русской» общины в Израиле, но и к внедрению в израильское общество систем и институтов «русского» происхождения (от КВН, КСП, землячеств и библиотек до физико-математических школ). Существенно то, что «большая русская алия» 90-х годов XX века стала первой за все время существования государства Израиль, которой удалась интеграция в израильское общество в первом, а не во втором или третьем поколении. Сам облик государства был изменен ею коренным образом. Произошло это как из-за собственно количественного фактора (миллион человек не мог быть просто «переварен» четырехмиллионной страной), так и вследствие уникальности условий, в которых находились иммигранты: им было куда возвращаться. «Мягкий», постепенный распад СССР привел к тому, что это была первая значительная группа населения, приехавшая в Израиль не как беженцы, изгнанные с места постоянного проживания, но сохранив возможность возвращения, гражданство (для значительной части иммигрантов), имущество и средства (для подавляющего их большинства) и связи со страной исхода. Связи эти (что также уникально для Израиля) оказались возможными на повседневном уровне (причем именно с Россией и через призму российского видения мира) благодаря распространению на Израиль действия российского телевидения. До того аналогичные процессы были возможны только в среде немногочисленных израильтян из стран Запада, переселение которых в Израиль как следствие их индивидуального религиозно-политического выбора стимулировало не столько сохранение ими самобытности, сколько интеграцию в израильское общество.

Значительную роль в укреплении российско-израильских отношений сыграла еврейская община России, которая бла-

годаря уникальному стечению факторов стала единственной финансово и организационно независимой еврейской общиной на постсоветском пространстве. Способствовали этому: кадровый и интеллектуальный потенциал российского еврейства, наиболее образованного и активного в СССР; число членов общины – самой крупной еврейской общины диаспоры после американской; сохранение и упрочение в ней «имперского духа» и объективная комбинация экономических и политических факторов, благодаря которым Россия, при всей «латиноамериканской» специфике ее развития, оказалась наиболее преуспевающей страной постсоветского пространства, за исключением республик Прибалтики. К концу 90-х годов лидеры еврейской общины России распространили свои интересы на страны значительной русско-еврейской эмиграции: США, Германию и, в первую очередь, Израиль, стремясь занять соответствующее место в мировом еврейском истеблишменте, получить доступ к рычагам влияния на окружающий мир и еврейское государство и реализовать возможности, которые это место открывало. В итоге успешного воплощения этой стратегии отношения лидеров еврейской общины России в частности и общины в целом с мировым еврейским истеблишментом и Государством Израиль из традиционной схемы «клиент-патрон» перешли в область партнерства. Разумеется, в качестве младшего партнера выступало именно российское еврейство, однако значение этого фактора для выстраивания российско-израильских отношений по такой же схеме, как были выстроены отношения американо-израильские, невозможно переоценить.

В итоге Россия к середине 90-х годов оказалась единственным государством, способным напрямую воздействовать (через электронные средства массовой информации) на

столь значительную массу русскоязычных избирателей, что от позиции российских СМИ стал зависеть итог не только парламентских выборов, но и выборов премьер-министра Израиля. До этого серьезное, но косвенное влияние на выборы в Израиле могли оказывать только США, причем уровень финансовой или политической поддержки далеко не гарантировал победу израильскому политику, которому она была оказана. Достаточно вспомнить неоднократные победы на выборах в Израиле правых партий и лидеров правого лагеря, случавшиеся почти всегда вопреки политике США в регионе, наиболее показательной из которых была победа Биньямина Нетаньягу над Шимоном Пересом в 1996 г. Не случайно Москва в период перед выборами в Израиле стала местом паломничества израильских политиков разного уровня, стремящихся не просто зафиксировать свое присутствие на российском телеэкране, но захватить симпатии потенциальных русскоязычных избирателей Израиля и донести до них свои программы и платформы. Этот ход в предвыборной борьбе оказался тем более успешным, что позволял обойти ограничения на агитацию в период, непосредственно предшествующий выборам, а также значительно продвинуть на израильской «русской улице» кандидатов по сравнению с их соперниками, опирающимися только на ивритоязычные СМИ. Следует отметить уникальную роль, сыгранную в этой области медиа-холдингом Владимира Гусинского, единственного иностранца, ставшего «своим» в израильской политической элите, в том числе в «старом истеблишменте», сформированном левым лагерем. Не случайно именно ему удалось войти и на рынок собственно израильских СМИ, вначале в качестве совладельца сети кабельного телевидения, а затем и газеты «Маарив». Этот фактор влияния, сложившийся окончательно к концу 90-х го-

дов, в немалой степени был нейтрализован конфликтом между администрацией президента Путина и холдингом МОСТ, однако возможность российского воздействия на внутреннюю политику в Израиле как таковая осталась в российском политическом арсенале.

В большей степени сближение Израиля с Россией было обеспечено ходом войны в Чечне, сопровождавшейся террористическими актами на российской территории, повлекшими массовые жертвы среди мирного населения. Угроза сепаратизма и исламского терроризма стала неотъемлемой частью ежедневной российской действительности так же, как за несколько десятилетий до того – действительности израильской. Участие в войне против России международных исламистских группировок (под руководством Хаттаба и ряда других полевых командиров), использующих лозунги джихада, фактически поставило Россию и Израиль по одну сторону баррикады, впервые создав произраильские настроения в среде российских «силовиков». Поддержка Израилем позиции России по Косово и Чечне закрепила эту ситуацию, и ее не смогло разрушить ни давление на Израиль США и стран Западной Европы, жестко оппонировавших России в Косово и критикующих ее за несоблюдение прав человека в Чечне, ни даже дипломатический сбой, когда повинувшись политической инерции советских времен Россия первоначально заняла несбалансированную позицию в ходе обострения палестино-израильского конфликта осенью 2000 года.

Следует отметить, что США ревниво относились к совместным израильско-российским проектам на протяжении всех 90-х годов, последовательно срывая их реализацию там, где это было возможно. Это относилось и к проекту «Голубой поток», и к военно-техническому сотрудничеству

обоих государств с перспективой поставок продукции на рынки третьих стран. Названный выше проект, связанный с поставками российского газа на Ближний Восток, участие в котором, вслед за Турцией, Израиля должно было не только сбалансировать зависимость последнего от Египта в поставках на израильский рынок энергоносителей, но и укрепить израильское лобби в российском ТЭК и правительственных кругах, был денонсирован премьер-министром Нетаньягу под непосредственным давлением американского государственного секретаря Мадлен Олбрайт. Ожидание многомиллиардных прибылей от поставки российско-израильской продукции военного назначения в Китай и Турцию (что также укрепляло израильское лобби в России, на сей раз в среде военных и руководства ВПК) сменилось в 2000-м году разочарованием после того, как американская администрация заставила израильтян выйти из российско-китайского проекта (реализуемого в конечном итоге Китаем и Россией без участия израильтян), а также предприняла все возможное, чтобы турецкий контракт, в рамках которого предусматривалось оснащение турецких ВВС российско-израильскими вертолетами «Эрдоган», достался не израильским или российско-израильским, а американским фирмам.

Тем не менее, направление военно-технического сотрудничества Израиля и России кажется чрезвычайно перспективным. Совмещение российских ресурсов и оборонных технологий с технологиями израильскими, в первую очередь в области электроники, может привести к появлению на мировых рынках вооружений качественно нового игрока. Российский и израильский ВПК тем более успешно дополняют друг друга, что многие ключевые специалисты Израиля являются выходцами из СССР и постсоветских республик. Совпадает на се-

годня для обеих стран и так называемый вероятный противник, а также потенциальные рынки сбыта и конкуренты. С другой стороны, именно конкурентоспособность российско-израильского оборонного тандема заставляет США интенсифицировать действия, препятствующие его возникновению.

Примером успешного воздействия американской политики на израильскую и подчинения израильских интересов долгосрочным интересам США (при полной уверенности израильского и американско-еврейского истеблишмента в обратном) служит ситуация, сложившаяся в конце 90-х годов по оси отношений Израиль – Россия – Иран. Постройка Россией атомной электростанции в Иране и возможная утечка в Иран российских технологий двойного назначения могли, по мнению американских и израильских экспертов, привести к появлению у Ирана ядерного оружия и ракет-носителей, способных донести его до территории Израиля. Результатов давление, оказанное на Россию американскими и израильскими политиками, пытавшимися добиться замораживания российско-иранского сотрудничества, не принесло, однако свою роль в ухудшении российско-израильских отношений сыграло. При этом США выигрывали по всем направлениям: и в случае успеха дипломатической миссии (в большой мере разыгрываемой израильянами), и при ее неудаче. В первом случае ослабевали российско-иранские связи и Иран в целом, при этом возникала потенциальная возможность, после нормализации в долгосрочной перспективе американо-иранских отношений заполнения образовавшегося на иранском рынке вакуума американскими технологиями. Во втором – ухудшались отношения российско-израильские, что предотвращало усиление обеих сторон за счет сочетания российских и израильских ресурсов и технологий и ограни-

чивало их независимость в рамках царящего на планете с начала 90-х годов PAX AMERICANA. Следует отметить, что израильские политики, ведущие диалог с Россией, были совершенно искренне уверены, что действуют в собственных национальных интересах и, более того, что США также в первую очередь озабочены интересами не столько американскими, сколько израильскими.

Значительную роль в российской оценке потенциальной опасности Ирана для Израиля в качестве инициатора развязывания регионального конфликта сыграл текущий опыт российско-иранских отношений. Исходя из него, Иран, во-первых, является для России «добрым соседом» по Каспию и играет роль стабилизирующего фактора в Средней Азии и Закавказье, разумеется, вследствие собственно иранских политических приоритетов. Во-вторых, иранские заказы необходимы для выживания целых отраслей российской промышленности, основные предприятия которых являются «градообразующими». В-третьих, в российском руководстве существуют подозрения (основанные на опыте 90-х годов), что американские усилия по предотвращению российских поставок в Иран в большей мере имеют отношение не к вопросам безопасности, а к вопросам конкуренции. В самом деле, уход России со значительной части мировых рынков вооружений, занятых в свое время СССР, привел не к сокращению объема продаж оружия, а к тому, что место России было занято производителями из стран НАТО, в первую очередь самими США. Это же относилось и к секторам гражданской экономики стран, ставших объектами американской политики санкций.

Ситуация, сложившаяся вокруг запутанного клубка американо-израильско-российско-иранских отношений, заставляла провести аналогию с Северной Кореей, отношения с кото-

рой у Соединенных Штатов на протяжении всей ее истории были не менее напряженными, чем с исламским Ираном. США в 90-е годы сделали все возможное, чтобы занять место СССР во внешней политике и экономике этой страны. Кроме того, и российские эксперты, дававшие рекомендации, и руководство страны, принимавшее решения по поднятому США и Израилем вопросу, не могли не задуматься об объективности американской политики в отношении Ирана, государства, уход которого из сферы влияния США был для последних тем более болезненным, чем ближе оно было к Америке во времена правления шаха и чем беспомощнее выглядели США в своих попытках противостоять исламской революции, вплоть до унижения, испытанного ими в истории с американскими заложниками и провалом попытки их освобождения. Наконец, даже если опасения израильтян и имели под собой основания, уход России с иранского рынка не столько обеспечивал безопасность Израиля, сколько создавал условия для замещения российских технологий европейскими, китайскими, а в дальней перспективе даже американскими.

Единственным экономически разумным обоснованием для разрешения противоречий, сложившихся в вышеупомянутой четырехсторонней области международных отношений, была бы, с российской точки зрения, прибыль от сотрудничества с Израилем в военно-технической области, перевешивающая выгоды от российско-иранских контрактов, что помогло бы избавиться от неизбежных внутрироссийских экономических и политических проблем, возникающих в результате слепого следования в фарватере американской политики. От США ожидалось бы в этом случае понимание российских интересов и готовность учитывать их при разделе сфер влияния на рынках вооружений. Заметим сразу, что

возможность эта на протяжении всех 90-х годов оставалась чисто гипотетической, ибо колоссальный потенциал сотрудничества российского и израильского ВПК так и не был реализован. Помимо объективных трудностей и американского давления на Израиль, свою роль в этом сыграло и традиционно настороженное взаимное отношение руководства российских и израильских спецслужб.

Наибольший потенциал в области экономического сотрудничества с Израилем в гражданской сфере для России составляли и составляют совместные разработки в области высоких технологий (в первую очередь программного обеспечения), включая их кредитование, продвижение на западные рынки через существующую и успешно работающую израильскую систему дистрибуции и выход занимающихся этим российско-израильских компаний на европейский и американский фондовые рынки. Это же относится и к чисто российским разработкам, что имеет особое значение для успеха «мягкой» конверсии, способствуя реализации колоссального потенциала российской оборонной промышленности по применению в гражданской сфере технологий двойного назначения. Израиль, имеющий огромный собственный опыт в этой области, высокую степень совместимости с Россией, основанную на происхождении из бывшего СССР подавляющего числа разработчиков, составляющих новое поколение израильских программистов, и единственный в своем роде статус наибольшего благоприятствования на всех основных мировых рынках, потенциально является для России основным партнером в развитии «новой экономики». Главной проблемой здесь можно назвать «разность потенциалов» в уровне «экономической свободы» двух стран, в первую очередь в области законодательства (в сферах за-

щиты бизнеса, борьбы с коррупцией и налогообложения), а также практики либерализации предпринимательства. Если на одном конце этой условной шкалы поместить экономику США, на другом окажется Россия, а между ними – страны Западной Европы (ближе к США) и Израиль (между Западной Европой и Россией). В итоге израильские компании активно привлекают к своей работе российских программистов как на индивидуальной основе, так и целыми подразделениями, однако процесс этот носит далеко не столь массовый характер, как мог бы, да и сотрудничество это далеко не всегда построено на основе характерных для Запада отношений сотрудников с работодателями. Долгосрочное партнерство между российскими и израильскими компаниями является исключением, практикой же стал временный выезд или иммиграция российских программистов в Израиль или на Кипр. Это, впрочем, является частью общемировой тенденции «миграции» компаний, ведущих разработки в области «высоких технологий», в зоны, условия в которых в наибольшей мере благоприятствуют бизнесу. В частности, значительное число собственно израильских (и европейских) фирм «мигрировало» на рубеже XX и XXI веков в США.

В области традиционной экономики следует отметить как большое число российских предпринимателей высшего и среднего уровня, имеющих двойное гражданство, так и многотысячный отряд менеджеров с израильскими паспортами (отнюдь не только иммигрантов из бывшего СССР), работающих в российской экономике и живущих в России (в первую очередь в Москве, Санкт-Петербурге и крупных промышленных центрах Урала и Поволжья). Некоторые из них способствовали притоку в российскую экономику технологий (в том числе в сельское хозяйство и пищевую промышленность), некоторые

– инвестиций (в первую очередь в добывающие отрасли и алмазообработку), но в целом все они способствовали «израилизации» российского истеблишмента, тем более значительной, что конфессиональные барьеры в России до сих пор значительно слабее, чем в странах Запада.

Израиль, со своей стороны, через предпринимателей с двойным гражданством получил возможность «войти» в такие ключевые отрасли промышленности России, как черная и цветная металлургия, нефтедобыча и алмазообработка, причем в последнем случае в качестве стратегического партнера российского государства. Подробный анализ роли и места израильских бизнесменов и предпринимателей с двойным гражданством в российской промышленности заслуживает отдельного исследования. Отметим, что значение их для всей сферы российско-израильских отношений чрезвычайно велико, хотя и противоречиво, так как зачастую интересы конкурентной борьбы и личных отношений влияли и влияют на вопросы, относящиеся к исключительной компетенции государства. Особенно это сказалось на алмазообработке, где складывавшийся еще в советское время баланс отношений России с корпорацией «Де-Бирс» был нарушен усилиями одного из крупнейших «новых» операторов рынка Льва Левиева (Леваева), масштабные операции которого на мировых рынках алмазов, формально в российских интересах, оправдывавшиеся тактически, привели к значительным стратегическим потерям для страны де-факто. С его же именем связана и потеря Россией в конце 90-х годов реального влияния на ангольских алмазных месторождениях, что принесло ей многомиллиардные убытки.

Потенциал прямого сотрудничества России с Израилем в промышленности, сельском хозяйстве и становлении рос-

сийских финансов и инфраструктуры чрезвычайно велик и до сих пор слабо реализован. В большой степени он основан на возможности внедрения в России израильских технологий и использования разработанных в Израиле механизмов привлечения инвестиций, в меньшей – на использовании в израильской промышленности технологий российских. Следует отметить, что на протяжении всех 90-х годов во всех примерах российско-израильского сотрудничества, за исключением алмазообработки, речь шла об отдельных проектах, а не о стратегическом взаимодействии.

Тенденции российско-израильского сотрудничества, несмотря на отдельные проблемы в отношениях между двумя странами, несомненно позитивны. При этом современное российское общество настроено значительно более позитивно по отношению к Израилю, чем западное; уровень возможного политического и военно-технического сотрудничества России и Израиля сопоставим с американо-израильским, а возможности, которые открывает в долгосрочной перспективе взаимовыгодная интеграция двух экономик – колоссальны.

Другие республики бывшего СССР

Отношения Израиля с *постсоветскими республиками* характеризуются теми же чертами, что и со странами Восточной Европы и Прибалтики в целом, причем благодаря тем же причинам. Можно отметить, что на отношения с *Белоруссией* влияет не столько возможность использовать связи с Израилем для интеграции в мировое сообщество (так как белорусский «вектор интеграции» направлен не на США, а на Россию), сколько прямая заинтересованность в Израиле как таковом. На *Украине* распространенный в при-

балтийских республиках «реваншизм» с ностальгией по профашистским национальным военным формированиям слаб и характерен в первую очередь для Западной Украины.

Весомую роль в отношениях большинства постсоветских республик с Израилем играет их значение для последнего как источника массовой иммиграции. Из числа республик *Закавказья* это не относится к экономически слабой *Армении* с ее крошечной еврейской общиной. При этом уровень отношений Израиля с Арменией снижает его заинтересованность в Турции и Азербайджане.

Наиболее серьезные партнеры Израиля в азиатской части бывшего СССР, как в экономической и военно-технической областях, так и в вопросе организации еврейской общины – *Казахстан и Узбекистан*. Уровень отношений с *Киргизией* значительно ниже, а израильская активность в *Таджикистане и Туркменистане* связана в первую очередь с их геополитическим положением на границе с Ираном и талибским Афганистаном.

Экономические связи Израиля с постсоветскими республиками в значительной мере основаны на активности на их пространстве израильтян – выходцев из этих республик. Основные направления ее: освоение источников минерального сырья и обслуживание интересов правящей национальной элиты в части ее личных и корпоративных связей со странами Запада.

3. ИЗРАИЛЬ И НЕИСЛАМСКАЯ АЗИЯ

Отношения Израиля с **Индией** определяются рядом факторов. С одной стороны, Индия заинтересована во взаимодействии с Израилем для развития собственной экономики на базе израильских технологий, а также в военнотехническом сотрудничестве (особенно в тандеме с Россией). С другой, – обе эти страны конкурируют на мировых рынках алмазов и компьютерного обеспечения. Двойственную позицию занимает Индия и в отношении палестиноизраильского противостояния. Конфликт с Пакистаном и внутренние проблемы с собственными сепаратистами, в том числе исламского толка, делают ее естественным союзником Израиля, однако роль, которую она играет в Третьем мире, где позиции арабских стран чрезвычайно сильны, а также политические традиции времен взаимного оппонирования Махатмы Ганди и Бен-Гуриона по поводу допустимых и недопустимых методов национально-освободительной борьбы приводят Индию в лагерь критиков Израиля.

Китай интересен Израилю как громадный рынок товаров и технологий, а также источник стратегического сырья. Израиль для Китая – источник высоких технологий, в первую очередь в военнотехнической сфере. ООП никогда не имела тесных связей с Китаем (в отличие от СССР), а проблема исламского сепаратизма на Северо-Западе Китая – один из ключевых вопросов внутренней политики страны. Отношения Израиля и Китая в XXI веке могут развиваться по нарастаю-

щей, хотя их чрезмерное усиление, особенно в оборонной области, крайне нежелательно с американской точки зрения и, как в случае с российско-израильско-китайским «самолетным» контрактом, вызывает ревнивое противодействие США.

Израильско-японские отношения на протяжении десятилетий складывались под воздействием двух основных факторов: зависимости Израиля от Японии, являющейся одним из основных рынков сбыта продукции израильской алмазообрабатывающей промышленности, и зависимости Японии от поставок арабской и иранской нефти с Ближнего Востока, а также от ее отношений с нефтедобывающими монархиями Персидского залива, входящими в число крупнейших покупателей продукции японской промышленности. Япония была одним из наиболее уязвимых объектов давления антиизраильского лобби в годы «нефтяного эмбарго», хотя частью политики ближневосточного мирного урегулирования в 90-е годы стал прорыв экономической блокады Израиля японскими корпорациями, воздействие на которые со стороны их арабских партнеров значительно ослабло. Израильско-японские отношения имеют немалый потенциал развития. Фактором, несколько ослабившим их (как и израильско-китайские), стала кончина в 90-х годах Шауля Айзенберга – крупнейшего израильского предпринимателя, фактически лично заложившего основы экономических и политических контактов Израиля с обеими сверхдержавами Дальнего Востока.

Отношения Израиля со странами **Юго-Восточной Азии** в немалой степени складывается под влиянием степени их экономической интегрированности в мир, где сегодня доминируют США – главный союзник Израиля на текущем этапе, а также прямого влияния США в регионе. Негативное воздействие местного исламского фактора на развитие от-

ношений с Израилем характерно для *Индонезии* и, отчасти, *Малайзии*. В то же время позиции и репутация Израиля как экспортера вооружений в ЮВА чрезвычайно сильны, а ряд стран региона (*Сингапур*, *Тайвань* и превратившийся из британской колонии в особый район Китая *Гонконг*) являются крупными потребителями продукции израильской алмазообрабатывающей продукции. Кооперация местных производителей с Израилем развивается и в области высоких технологий, причем потенциал этот особенно велик, учитывая то место в мировом разделении труда, которое занимают «азиатские тигры» в производстве компьютерного оборудования.

4. ИЗРАИЛЬ И ТРЕТИЙ МИР

Латинская Америка

Латинская Америка не только следует в своих отношениях с Израилем примеру доминирующих в составляющих ее странах США, но и имеет собственные интересы к сотрудничеству с ним. Это в первую очередь связано с местом Израиля на латиноамериканских рынках вооружений, а также с его значением как источника новых технологий для экономики бурно развивающихся стран региона. Давление «нефтяного эмбарго» на страны Латинской Америки, имеющие собственные энергетические ресурсы, было минимальным, многочисленные арабские общины – политически пассивны, а крупные еврейские – чрезвычайно влиятельны. Военные режимы и хунты, периодически приходившие к власти в странах Латинской Америки в течение XX века (в *Аргентине, Бразилии, Чили* и др.), как правило, вступали в конфликт с либеральной еврейской интеллигенцией, что периодически приводило к осложнению отношений с Израилем, однако их зависимость от США и стремление пополнить свои арсеналы израильским оружием обычно перевешивали. Единственным исключением на континенте была Куба, однако с распадом социалистической системы отношения режима Кастро с Израилем (и местной еврейской общиной) были нормализованы.

Африка

Отношения Израиля со странами «черной» Африки строились и строятся в зависимости от: его активности на сырьевых рынках

континента; роли израильских фирм и компаний в развитии традиционных отраслей экономики, в том числе в рамках программ международной помощи; поставок вооружений, инструкторов и советников армиям правящих режимов и (или) их противников; собственно израильской политической и военно-политической активности в регионе (операции «Энтеббе» в *Уганде*, «Моисей» и «Соломон» в *Эфиопии* и др.). Негативно на них сказывается роль исламского в целом и арабского, в частности, компонентов в экономической и политической системах стран континента (в том числе присутствие многочисленной и влиятельной палестинской и сирийско-ливанской диаспор), а также традиции активной борьбы с колониализмом, используемые арабскими странами в рамках Движения Неприсоединения и Организации Африканского Единства для разжигания враждебности к Израилю на континенте.

С развитием в 90-е годы ближневосточного мирного процесса отношения Израиля со странами Африки несколько активизировались. Единственным исключением стала *Южно-Африканская Республика*, один из главных торговых партнеров Израиля в недавнем прошлом, связи с которой в годы правления режима апартеида стали причиной более чем прохладного отношения к Израилю правительства Нельсона Манделы. Близость этого политического деятеля к СССР, революционерам типа Ясира Арафата и тесные личные связи с руководством ООП (хотя он и был приведен к власти в немалой степени благодаря поддержке левой, в том числе еврейской интеллигенции) стали причиной значительного ухудшения отношений ЮАР с Израилем. Это же касается и положения еврейской общины страны, еще недавно одной из наиболее сильных и влиятельных в мире, а теперь стремительно теряющей позиции и на фоне общего кризиса в экономике, политической и общественной жизни ЮАР не имеющей сколь бы то ни было ясного будущего.

5. ИЗРАИЛЬ И СТРАНЫ ИСЛАМСКОГО МИРА

Палестина

Отношения Израиля с палестинскими арабами являются ключевым вопросом его отношений с арабским миром вообще и одной из главной составляющих его выживания как государства. На протяжении XX века они прошли ряд стадий, от периода, когда израильское общество и истеблишмент не признавали самого существования палестинцев как особого народа, а их организации вели против Израиля войну на уничтожение, до мирного процесса 90-х годов, когда лидера ООП Ясира Арафата начали рассматривать как политического партнера, а Израиль включил создание палестинского государства в повестку дня собственной внутренней и внешней политики как данность.

При всей антиизраильской риторике и десятилетиях террористического и военного противостояния палестинцев с Израилем, а также декларациях о единстве арабского мира и его заинтересованности в судьбе палестинского народа реальные отношения палестинцев со странами арабского мира и его лидерами едва ли не худшие, чем с Израилем. Со стороны арабских государств отношения эти основаны на оценке палестинцев как фактора слабого, но опасно дестабилизирующего в своей непредсказуемости. Палестинский национализм с самого начала был не составляющей панарабизма, а его оппонентом. Он ставил интересы *палестинцев* выше *общееарабских* и требовал удовлетворения ограниченных национальных чаяний, а не выстраивания системы «арабского

единства» (в том числе за счет объединения стран, армий и т.д.), идея которого была так популярна среди глав основных арабских государств в 50-70-е годы. С точки зрения этих лидеров, палестинцы вполне годились на роль передового отряда в арабо-израильском противостоянии, которое формально и было посвящено борьбе за их гражданские, политические и человеческие права, однако ни о какой полноценной интеграции их в странах Ближнего Востока не было и речи. Более того, в тот момент, когда они пытались проводить собственную политику, арабские лидеры неизменно применяли к ним самые жесткие меры подавления (в Египте, Сирии и др.). Большая часть территории, выделенной ООН для создания арабского государства, включая Восточный Иерусалим, была первоначально взята под контроль не Израилем, а Египтом и Иорданией, (последней – аннексирована), находилась под их властью без малого два десятилетия, и вопрос о создании на ней в какой-либо форме палестинского государства в течение всего этого времени не ставился. Права палестинцев на создание собственного государства в этот период рассматривались правящими режимами арабского мира столь же отрицательно, как и право Израиля на существование.

Соответственно, и палестинцы неоднократно и без колебаний выступали против правящих режимов приютивших их государств, когда их лидеры видели возможность захвата в этих странах власти, если этого, по их мнению, требовала текущая политическая ситуация. Жестоко подавленные королем Хусейном выступления против правящего режима в Иордании окончились «Черным сентябрем» 1970 года и изгнанием военных формирований ООП в Ливан. Гражданская война в Ливане, в которой ООП сыграла роль детонатора, фактически разрушила страну и привела к ее оккупации сирийскими и из-

раильскими войсками, причем и в этот раз ООП потерпела поражение (в 1982 году) и была вынуждена перенести свою штаб-квартиру в Тунис. Выступление палестинцев на стороне Ирака в период оккупации им Кувейта и в ходе Войны в Заливе привело к разрыву их отношений с большинством государств арабского мира, прекращению финансирования деятельности палестинских организаций со стороны основных доноров, в качестве которых традиционно выступали нефтедобывающие монархии Персидского залива, и депортации сотен тысяч палестинцев, работавших на их территории.

Израильский истеблишмент, в свою очередь, так и не смог выработать сколь бы то ни было последовательной стратегии отношений с палестинскими арабами. Во многом это является следствием внутренней разобщенности израильского общества и противоречивости базовых установок и устремлений таких составляющих его групп, как ультралевые, светские центристы (как левые, так и правые), восточные традиционалисты, национально-религиозный лагерь и ортодоксы. Особняком стоит вопрос отношения к палестинцам жителей расположенных на территориях поселений. Национальные мифы и застарелые комплексы, дилетантские теории и политические спекуляции подменили трезвый анализ и разумную политику в отношении арабов Израиля и палестинцев, хотя многое из того, что беспокоило на протяжении десятилетий ученых, общественных деятелей и политиков Израиля, в этом вопросе было основано на реальных проблемах: демографической, двойной лояльности, религиозных.

Могли ли палестинцы и израильские арабы интегрироваться в израильское общество? История не знает сослагательного наклонения, однако мировой опыт (в том числе интеграции арабов в чужеродную языковую, культурную, религиозную и нацио-

нальную среду в Латинской Америке и США) позволяет говорить об этом утвердительно, хотя и в прошедшем времени. Впрочем, для этого в Израиле не было достаточных условий: ни твердой и последовательной государственной национальной политики, настроенной на интеграцию в общество этих групп населения, ни опыта и политической воли лидеров государства, скованных традициями и условностями. Проблему либо оставляли «будущим поколениям», либо пытались решить в меру сиюминутных пристрастий по отношению к тем или иным теориям, правящим партиям, политическим кланам или партийным блокам, при том, что в израильских условиях пристрастия эти менялись часто и, как правило, на 180 градусов.

Что бы ни говорилось о жесткости оккупационного режима, в израильском обществе на протяжении десятилетий доминировал общегуманистический подход к палестинцам, в ультралево-м лагере переходящий в палестинофилию (столь же одностороннюю, как и в отношениях американских левых с афроамериканцами). Жизнь палестинцев под израильской оккупацией была значительно легче, чем под властью собственной администрации, авторитарно-коррупцированной чисто по-восточному и последовательно воплощающей в жизнь присущие палестинскому национальному движению революционные традиции. С другой стороны, общественно-политические и религиозные традиции при постоянном усилении роли религии в государстве, основные догматы сионизма и местные реалии препятствовали как смешанным бракам, заложившим основу советского общества, так и формированию общества равных стартовых возможностей – основы США. Израильское общество, де-юре построенное на причудливой смеси западных и советских демократических принципов, де-факто оказалось разделено на этнические группы с разным уровнем гражданских прав.

Отношение палестинцев и израильских арабов к Израилю (как и к любому государству, в котором или под властью которого им пришлось бы существовать) формировалось в зависимости от реальных условий жизни и возможностей их улучшения; реальности получения полноценного образования детьми и обустройства их достойного будущего, включая карьерные перспективы во всех сферах жизни общества; ощущения себя равноправными или напротив – ограниченными в правах и возможностях (в том числе и в обязанностях по отношению к государству); возможности сохранить национальную самоидентификацию как часть общегосударственной, или вразрез с ней; интеграционного потенциала общества или принудительной отделенности от него; возможности коллективной и личной защищенности со стороны государства. Итог оказался печален. Дискриминация и сегрегация арабов в Израиле на протяжении всей его истории принесла свои плоды. Зачастую вызвана она была благими намерениями и непониманием последствий того или иного шага со стороны израильских чиновников и ответственных лиц и во многом явилась слепком тех же самых проблем в приеме еврейской алии из различных стран, не учитывающем особенностей национальной культуры (но без позитивной политики, которая помогала их смягчить в случае евреев-иммигрантов). Израильские арабы и многочисленные (особенно поначалу) палестинцы, связавшие свое будущее с Израилем, убедились в том, что в любом случае остаются гражданами второго сорта, для которых закрыты многие сферы политической и общественной жизни и карьеры.

Ограничения на службу в израильской армии для христиан и мусульман – граждан Израиля (под высокоморальными предлогами, на деле же – по недоверию), действовавшие до самого последнего времени ограничения в присвоении воинских званий

бедуинам и друзам, двойственная ситуация в муниципальной, судебной, религиозно-правовой сферах, многочисленные формальные и неформальные (но от этого не менее действенные) «заборы» между израильскими арабами и основной массой израильского общества породили их массовое отчуждение и ситуацию конца 90-х годов, при которой умеренные лояльные лидеры израильских арабов могли распрощаться с политической карьерой (а иногда – при попустительстве израильских властей – со свободой и жизнью как «коллорабационисты»). Что касается палестинцев – жителей территорий, они в течение нескольких десятилетий жили под фактической юрисдикцией Израиля, но не по законодательству и правилам гражданского администрирования, принятым в этой стране, а под властью военной администрации, со всей присущей этому статусу незащищенностью, по иорданским или египетским законам, с иорданскими или египетскими документами. Неясность положения, отсутствие возможности чувствовать себя полноправными гражданами какой-либо страны, зыбкость и непрочность личных и общественных гарантий со стороны Израиля, при огромной опасности со стороны собственных националистов и исламских экстремистов, которая проявилась в ходе массового уничтожения «агентов Израиля» в годы интифады, способствовали радикализации жителей территорий.

Опыт трех последних десятилетий второй половины XX века показал, что основными источниками развития палестинской экономики являются: работа на территории Израиля либо по субконтрактам с израильскими компаниями; зарубежная финансовая помощь, распределяемая через структуры палестинских фондов и организаций, либо организаций, контролируемых ООН, а также средства, зарабатываемые палестинцами, работающими за рубежом (преимущественно в

странах Персидского залива). Ситуация не изменилась и с созданием ПНА, разве что к трем источникам финансирования добавился четвертый: прямые дотации, выделяемые правительством Израиля руководству автономии в качестве «возврата налогов» и т.д. Инвестиционные ожидания палестинского руководства оказались значительно завышенными даже по отношению к палестинским корпорациям (в том числе транснациональным) и предпринимателям, причем не только по объективным причинам, но и из-за высокого уровня бюрократической зарегулированности экономики ПНА, процветающей на ее территории коррупции и существенного снижения уровня жизни, деловой активности и покупательной способности основной массы населения по сравнению с периодом израильской оккупации. Средства, перечисляемые «отходниками», также оказались значительно меньшими, чем в 80-е годы. Международная же помощь, прогарантированная мировым сообществом, в том числе «коспонсорами мирного процесса», оказалась гораздо меньше ожидаемой, а львиная доля ее так и не дошла до «реальной экономики» ПНА.

Роль Израиля, таким образом, в палестинской экономике остается ключевой, несмотря на все попытки палестинского руководства «отсечь» ее и обеспечить дифференциацию торговых партнеров за счет прямого выхода на рынки Европы и арабского мира. Несамостоятельность ПНА и нежизнеспособность ее экономики в случае «развода» с Израилем ярко проявились в ходе палестино-израильского противостояния осенью 2000 года, когда связь, электро- и водоснабжение Автономии, а также поставки на ее территорию топлива осуществлялись израильскими компаниями, а финансирование деятельности палестинской администрации – израильским правительством даже в разгар вооруженного конфликта.

Напрашивается заключение, что самостоятельная палестинская экономика существовать просто не может и ее единственный шанс – теснейшая интеграция с экономикой Израиля, поскольку Египет и Иордания, хозяйственные системы которых поражены собственными кризисами, не только не в состоянии брать на себя заботу о Палестине, но и являются ее конкурентами. Ситуация осложняется для ПНА тем, что демографический и экологический баланс в секторе Газа близок к египетскому и может быть охарактеризован как катастрофический. Ситуация на Западном берегу реки Иордан сопоставима с иорданской и, следовательно, несколько легче, однако далека не только от идеальной, но и от сколь бы то ни было приемлемой. При этом координация деятельности официальных структур Автономии в обоих анклавах ПНА весьма сомнительна не только в экономической, но и в политической сфере. Особенно остро стоит вопрос о том, кто может возглавить ПНА после Ясира Арафата. Специфика революционного характера основ палестинского руководства (при наличии всех внешних атрибутов демократии) такова, что заранее вопрос этот решен быть не может и на текущий момент остается в плоскости закулисного лоббирования и бескомпромиссной борьбы групп и кланов, верховным арбитром в которой выступает сам Арафат. Абсолютная уникальность его фигуры не только на палестинской, но и на общеарабской арене дает возможность предположить огромные трудности в вопросе его замещения, которые неизбежно скажутся на будущем Палестины как государства.

Ситуацию не упрощает и отсутствие единства в среде палестинцев, которых связывает в единое целое воля, опыт, харизма и политическое мастерство Арафата, внесшего огромный вклад в формирование их как народа. Противоре-

чия между жителями Газы и Западного берега, мусульманами и христианами, «тунисками»-революционерами, представителями «старого истеблишмента» и «полевыми командирами интифады», коренными жителями городов и селений, беженцами из палестинских лагерей и приезжими из-за границы, светскими палестинцами и исламскими фундаменталистами крайне значительны, не говоря уже о межклановой вражде. Опасные для будущего Автономии масштабы принимает отъезд за границу палестинцев-христиан – наиболее экономически активной части населения ПНА, серьезно пострадавшей от насильственного перераспределения экономических рычагов на территориях под властью Арафата и усиления влияния политических и религиозных экстремистов. Следует отметить, что руководство ПНА, включая Ясира Арафата, вполне отдает себе отчет во всем вышесказанном.

Некоторый шанс Автономии давал план построения «ближневосточного Бенилюкса», выдвинутый наиболее умеренным из ближайших сторонников Арафата, Абу-Мазеном. План этот предусматривал тесную интеграцию ПНА, Израиля и, в перспективе, Иордании, однако сегодня о нем можно говорить лишь в прошедшем времени. Немалую роль в этом сыграли успешные усилия ряда палестинских руководителей по компрометации Абу-Мазена – второго человека в ООП после Арафата (и единственного, кроме него, имеющего известность за пределами Палестины), в преддверии смены лидера.

Парадоксальность ситуации усиливается тем, что Ясир Арафат, стратегически зависящий от отношений с Израилем более, чем от каких-либо других факторов, вследствие совокупности тактически важных для него причин взял осенью 2000 года курс на обострение отношений с еврейским государством, фактически развязав вялотекущую позиционную

войну. Следует признать, что он извлек из этого немалые выгоды. Имидж коллаборациониста и коррупционера, торгующего с израильянами вместо того, чтобы вести с ними войну на уничтожение, верности которой он клялся в течение всей своей политической карьеры, сменился вновь имиджем бескомпромиссного борца за права палестинского народа, смело отстаивающего их под давлением Израиля и США. Радикальные группы движений «Хамас» и «Исламский джихад», ставшие опасными конкурентами Арафата на палестинской «улице», фактически попали под его контроль. Общественное мнение не только всего арабского и исламского мира, но и западных либералов оказалось на его стороне вследствие талантливо организованной в средствах массовой информации кампании по освещению новой фазы конфликта. Более того, впервые Арафат оказался лидером значительного большинства израильских арабов, палестинизация самосознания которых нарастает стремительными темпами. К несомненным успехам проводимой палестинским лидером политики можно отнести: сильное лобби в израильском парламенте, состоящее из значительной части левого лагеря и депутатов-арабов; демонстрируемое на практике умение внести раскол в израильский политический истеблишмент; существенное преимущество над израильскими политиками в личном плане (Арафат явно «переигрывал» любого из израильских лидеров, с которыми он вел переговоры в 90-е годы), а также готовность арабских стран выделить ему на войну с Израилем те миллиарды долларов, которые он так и не получил для обустройства Палестины в условиях мира.

В самом деле, если рассматривать палестинскую проблему как бизнес (со всеми сопутствующими и во многом совпадающими для политики и шоу-бизнеса «законами жан-

ра»), становится очевидным, что бизнес этот чрезвычайно успешен и высокодоходен. Особенности его ведения со стороны лидера палестинцев являются: точный учет расстановки сил на мировой общественно-политической арене, использование даже самых незначительных возможностей, умение менять методы, лозунги, покровителей и партнеров в соответствии с текущей политической конъюнктурой и даже собственные ошибки, в конечном счете, обращать себе на пользу, демонстрируя высшую степень политической живучести. Ясир Арафат – феномен современной политики и, несомненно, самый талантливый политический деятель (быть может, единственный политик мирового класса), живущий сегодня на территории Израиля. В своей повседневной деятельности он фактически использует (значительно расширив границы допустимого и арсенал средств и приемов) тактику основателя Израиля Бен-Гуриона. При этом рамки, сковывающие его как руководителя небольшого и относительно бедного палестинского государства, сколь бы ни были они разумно достаточны для палестинцев как народа, явно тесны ему. Конфликт с Израилем вновь превратил его в деятеля международного масштаба, от действий которого зависит мировая политика, включая цены на нефть, будущее исламских святынь, а также соотношение сил на Ближнем Востоке и уровень влияния в регионе США, России и стран Европейского Сообщества. Фактически – это конфликт между масштабами личности Арафата и его возможностями, претензиями и базой их реализации.

Как представляется, палестинское руководство исчерпало на сегодняшнем этапе политические, финансовые и территориальные возможности, которые давал переговорный процесс, и пошло на обострение конфликта сознательно, полагая

(совершенно справедливо), что умеренное военное противостояние, освещаемое соответствующим образом в мировых СМИ, позволит достичь много большего. Предел достижимого на сегодняшнем этапе для палестинцев – интернационализация конфликта. Переход его в фазу силового противостояния Израиля с исламским миром может предоставить им самые неожиданные возможности. Это же касается и варианта ввода на палестинские территории международных сил, которые, как показывает опыт Косова, не способны реально контролировать ситуацию и лишь позволят оградить силовые действия палестинской администрации в отношении поселенцев от вмешательства израильской армии.

Учитывая то, что раскол в израильском обществе осенью 2000 года достиг фазы, предшествующей гражданской войне, ситуация в отношениях Израиля и ПНА становится значимой для самого существования Государства Израиль. Прогнозный диапазон здесь чрезвычайно широк. Шанс на воплощение имеют все варианты, в том числе и такие, которые в течение нескольких десятилетий экспертами даже не рассматривались, включая гражданскую войну в Израиле, авторитаризацию системы его государственной власти, уничтожение Израиля или выселение («трансфер») арабского населения Палестины. Отметим при этом, рассматривая различные аспекты палестино-израильских отношений, что религиозный аспект в них играет значительно меньшую роль, чем это представляется на основании риторики сторон, причем как с израильской, так и с палестинской стороны.

Оснований для оптимизма в отношении ближайшего будущего отношений Палестины и Израиля нет, однако если стороны преодолеют без невосполнимых потерь сегодняшний кризис и перейдут на фазу стабильных отношений, со-

трудничество их возможно и более того – стратегически взаимовыгодно. Взаимная интеграция экономических систем Израиля и территорий, при всей неравноправности этого партнерства, шла на протяжении трех десятилетий, в 90-е годы перейдя в фазу кооперации Палестины и Израиля, в том числе в таких сферах, как цветоводство и легкая промышленность, а также международная торговля. Не следует забывать и о том, что палестинцы являются наиболее образованной частью арабского мира. Это дает им потенциальный шанс в случае позитивного развития палестино-израильских отношений углубить уровень кооперации с Израилем, переведя на свою территорию предприятия тех отраслей хозяйства, которые нерентабельно развивать в Израиле в условиях постиндустриального общества, а также стать организаторами «моста» между израильской промышленностью высоких технологий и арабской экономикой.

Сирия

Сирия – наиболее серьезный противник Израиля из числа граничащих с ним государств. Правивший до недавнего времени Сирией Хафез Асад не только сформировал первый устойчивый политический режим в современной истории Сирии и полностью контролировал страну в течение последней трети XX века, но и извлек достаточный опыт из поражений в войнах с Израилем, как широкомасштабных в 1967 и 1973 гг., так и локальной 1982 г., а также длительного военного противостояния в Ливане. Избегая губительного для Сирии прямого военного столкновения с южным соседом, он в течение двух десятилетий поддерживал на «небольшом огне» конфликт с Израилем на юге Ливана, причем не за счет вовлечения в него подразделений сирийской армии,

удерживающей под контролем большую часть этой страны в соответствии с концепцией «Великой Сирии», а руками местных партизанских формирований. Не случайно Асад так болезненно воспринял вывод израильской армии с юга Ливана летом 2000 г., поставивший его войска в положение единственной оккупационной силы в стране, что не только полностью делегитимизировало их пребывание в Ливане, но и вовлекало в конфликт с ливанскими христианами, в первую очередь маронитами.

Сверхжесткая позиция Сирии на переговорах о нормализации отношений с Израилем, отчасти заданная итогами египетско-израильского «Кэмп-Дэвида» (Асад не мог получить от израильтян меньше, чем Садат), в немалой степени объяснялась внутривластным положением режима: возвращение Голанских высот Сирии не в результате победоносной войны, а вследствие какого бы то ни было мирного соглашения с Израилем, означало персональное унижение клана Асада, сумевшего потерять сирийскую территорию, но не сумевшего ее отвоевать, а получившего назад только после заключения мира с противником. Этот триумф американской политики мира, весьма сомнительный для израильтян, оказывался для правящего режима Сирии пирровой победой, тем более в период, когда основной задачей Асада-старшего было приведение к власти сына, вопреки не только сирийским законам, но и формирующейся на глазах внутренней оппозиции из числа представителей генералитета, абсолютно лояльного к главе клана Асадов, но не к его наследнику.

С приходом к власти Башара Асада ситуация значительно осложнилась. Сам переход власти был осуществлен достаточно успешно и с минимальным сопротивлением элиты, однако Сирию возглавил президент, не имеющий ни во-

енного и политического опыта отца, ни его авторитета. В итоге возможность урегулирования сирийско-израильского конфликта, наметившаяся в 1999-2000 годах в ходе переговоров о восстановлении сирийского суверенитета над Голанскими высотами, свелась осенью 2000 года к нулю с началом палестинской «интифады Аль-Акса». Соответственно, в область прожектёрства отошли и проекты сирийско-израильского или сирийско-израильско-иорданского экономического сотрудничества, выдвинутые западными и израильскими экспертами в разгар эйфории «ближневосточного мирного процесса» 90-х годов. Сирия заняла на современной стадии арабо-израильского конфликта наиболее радикальную позицию среди всех арабских соседей Израиля, в немалой степени из-за необходимости для ее нового президента доказать право на политическое наследство Хафеза Асада как его старым соратникам, так и лидерам арабского и в целом исламского мира. Вероятность участия Сирии в военном конфликте на Ближнем Востоке, в том числе для оправдания продолжения сирийского доминирования в Ливане, значительно более важного для нее политически и экономически, чем возврат Голанских высот, существенно возросла по сравнению с недавним прошлым. При этом, не считая ливанского направления, во внешней политике для Сирии приобрели особенный вес отношения с Ираном (руководство которого проявило готовность оплатить перевооружение сирийской армии) и Ираком (в преддверии восстановления транзитных поставок иракской нефти через сирийскую территорию на мировой рынок), а также Францией, активно осваивающей внутренний рынок страны в ходе модернизации ее экономики. Соединенные Штаты придерживаются по отношению к Сирии взвешенной позиции с того момента, как

она вошла в антииракскую коалицию в ходе операции «Буря в пустыне», а позиции в ней России значительно ослабли по сравнению с теми, которые имел Советский Союз.

Ливан

Вывод израильских войск из Ливана летом 2000 года серьезнейшим образом изменил расстановку сил в стране, причем далеко не таким образом, как это предсказывали израильские эксперты. Ливанская группировка ЦАХАЛа была выведена в Израиль практически без потерь, и Сирия осталась один на один с ливанскими христианами, однако ни бейрутское правительство, находящееся де-факто под сирийским контролем, ни войска ООН не смогли установить контроль над Южным Ливаном, и его территорию заняли боевики движения «Амаль» и организации «Хизбалла». При этом северная граница Израиля оказалась слабо подготовленной к положению, когда позиции исламских формирований располагаются на расстоянии прямой видимости от израильских населенных пунктов. Конфликты на границе, нередко с применением огнестрельного оружия, в результате которых израильтяне несли урон уже на собственной территории, в том числе в результате захвата в плен израильских военнослужащих, приобрели тем более постоянный характер, что внимание израильской армии было в большой мере отвлечено на сдерживание палестинских вооруженных формирований. Концепция «ударов возмездия» по ливанской инфраструктуре, которые теоретически должны были заставить самих ливанцев поддерживать мир на границе с Израилем, выглядела нереалистичной уже в конце 2000 года, когда почти все страны исламского мира оказались в лагере активных противников Израиля (вследствие исключительно

удачной антиизраильской кампании палестинцев в мировых СМИ), и вероятность широкомасштабной войны в регионе, детонатором которой мог бы стать удар Израиля по Ливану, стала резко повышаться.

Критическим оказался даже не сам по себе уход израильтян из Ливана, хотя положительные его последствия для укрепления позиции Израиля на мировой дипломатической арене были минимальными. Главное – то, как именно он был осуществлен, и воздействие, оказанное этой акцией на арабов – извне и внутри Израиля. Израиль «потерял лицо». Потеряны были не просто позиции, имущество и военная техника. Рухнула не просто вся система безопасности израильской Галилеи, выстраивавшаяся на протяжении 20 лет. Никакие формальные объяснения и аргументы – верные или нет – не могли изменить мнения арабской «улицы» и арабских лидеров: Израиль бежал, бросив своих арабских союзников из Армии Южного Ливана (ЦАДАЛ) на произвол судьбы, фактически предав и их, и жителей своих собственных приграничных поселений. Это увеличило конфликтный потенциал на ливано-израильской границе; способствовало «палестинизации» израильских арабов, радикализации их лидеров и, в конечном счете, окончательному переходу их в лагерь сторонников Ясира Арафата; полностью убедило последнего в результативности умеренного военного давления на Израиль и доказало умеренным арабским политическим лидерам, что декларация приверженности сотрудничеству с Израилем равнозначна для них политическому самоубийству.

Иордания

Иордания в течение трех десятилетий была наиболее умеренным из всех арабских соседей Израиля, несмотря на

значительное число палестинцев в стране – постоянных жителей и беженцев. В то же время это отражало скорее позицию правящей династии и лично короля Хусейна, чем настроения иорданской «улицы», в том числе истеблишмента. Хотя его наследник, король Абдалла, придерживается в отношениях с Израилем политики своего отца, его режим далеко не так прочен, как режим последнего, опиравшийся в огромной мере на личную харизму покойного иорданского монарха, его связи в стране, регионе и мире в целом. Новый король не может пока что позволить себе во внутренней жизни страны ту жесткость, которую при необходимости демонстрировал его отец, будучи в этом типичным представителем нового поколения арабских лидеров, пришедших к власти на рубеже XX и XXI веков, людей, которым власть перешла по наследству без значительных потрясений и которым не пришлось ее отстаивать в жестокой междоусобной борьбе. При этом никаких личных обязательств перед Израилем у него, в отличие от короля Хусейна, нет, как нет и опыта противостояния, в том числе военного, с палестинцами (чуть было не свергнувшими в свое время власть короля Хусейна), Саудовской Аравией (правящий в которой дом Сауда изгнал в начале XX века Хашимитов не только из Мекки и Медины, но и из страны), Сирией (в которой Хашимиты пытались закрепиться после изгнания из Хиджаза) и Ираком (где правящая Хашимитская династия была уничтожена революцией). Иордания, экономика которой, несмотря на мирный договор с Израилем, находится в тяжелом положении, а настроения жителей в большой мере зависят от положения дел на контролируемых Израилем палестинских территориях, является наиболее слабым звеном среди арабских государств, граничащих с Израилем. Развитие политических процессов в Палестине вполне способно поста-

вить правящую династию перед угрозой потери власти, как это уже было в 1970 г., когда на карте мира едва не возникло палестинское иорданское государство, возглавляемое Ясиром Арафатом. Противостояние королевского режима и его подданных в вопросе отношений с Израилем проявляется все отчетливее и носит все более серьезный характер. Следует отметить, что возвращение в активную политическую и экономическую жизнь региона Ирака, не просто одного из соседей, но и крупнейшего и наиболее влиятельного экономического партнера Иордании, может значительно повлиять на позицию правящей династии.

Нормализация отношений с Израилем не только позволила решить такие насущные проблемы Иордании, как совместное использование водных ресурсов, но и дала возможность израильтянам перенести на иорданскую территорию (в промышленную зону Ирбид) на условиях экономической кооперации ряд производств, нерентабельных в современных условиях для самого Израиля, однако чрезвычайно выгодных для Иордании (в том числе экспорториентированные предприятия текстильной промышленности). Немалое значение приобрела и возможность перевести из теневой сферы в открытую арабо-израильскую торговлю, осуществлявшейся в течение десятилетий через палестинских посредников с контролируемого израильтянами Западного берега реки Иордан, хотя объем ее по сравнению с прежними временами увеличился незначительно в связи с ограниченностью объема рынка приграничной транзитной торговли и его быстрым насыщением (в отличие от предсказаний западных экспертов, стоявших у истоков мирного процесса). Разумеется, в случае позитивного развития событий экономика Иордании легко может интегрироваться, как это и предусматривалось в планах раз-

вития региона, заявленных на амманском MENA саммите 1995 года, в тройственный союз с экономическими системами Палестины и Израиля, однако с течением времени этот сценарий становится все менее реалистичным.

Египет

Отношения Египта и Израиля, характеризующиеся как «холодный мир», тем не менее выдержали испытание «интифадой Аль-Акса» в немалой степени вследствие того, что на отношениях египтян к палестинцам вообще и Ясиру Арафату, в частности, серьезнейшим образом сказываются воспоминания о противоречивой истории палестино-египетских отношений, включавших и высылку из страны будущего лидера ООП, и террористическую деятельность палестинцев, направленную против Египта. Египет, крайне нуждающийся в американской финансовой помощи, без которой его экономика рухнет достаточно быстро, не может себе позволить разорвать отношения с США или вступить на современном этапе, когда правящий режим слабее, чем раньше, но все же контролирует внутривнутриполитическую ситуацию, в военную конфронтацию с Израилем. Период советского влияния в Египте практически окончился вместе с «Кэмп-Дэвидом», который подвел итог времени насеровского увлечения «арабским социализмом». Ни Анвар Садат, заплативший за переориентацию на США и примирение с Израилем собственной жизнью, ни унаследовавший после него власть Хосни Мубарак, правящий страной на протяжении двух десятилетий, не были сторонниками полномасштабной нормализации отношений с Израилем, однако собственный опыт военной конфронтации с ним показал им бесперспективность ее продолжения. При этом антиизраильские настроения доминируют на египетской «улице», в среде

военной и интеллектуальной элиты, а коррупция, падение уровня жизни и радикализация основной массы населения не дают возможности исключить возвращения к ней в будущем. Связано это может быть в первую очередь с невозможным исчерпанием ресурсной базы страны вследствие непомерного демографического давления на ее экономику, системы жизнеобеспечения и социальной инфраструктуры.

Современный Египет можно расценивать как зону демографической катастрофы, хотя споры специалистов о том, когда именно будет пройдена ее критическая точка, не привели к какому-либо консенсусу. Условно в качестве таковой принимается численность населения в 100 млн. человек (в первой трети XXI века), сосредоточенных практически на той же площади (долина Нила, его дельта и небольшое число оазисов), что и за тысячелетия до того. При этом правительственные программы по сокращению рождаемости, реализованные в Китае, забуксовали в Индии, а в странах исламского Востока, в том числе в Египте, дали противоположные результаты, не столько снизив рождаемость, сколько укрепив антиправительственные позиции радикальных фундаменталистов. Направлений потенциального «расширения сферы влияния» Египта в случае, когда все внутренние (включая зарубежную помощь) политические, силовые и экономические резервы сдерживания, имеющиеся у правящего режима, оказываются исчерпанными, всего три: Ливия, Судан и Израиль. Первое вследствие ряда факторов, представляется маловероятным. Второе – наиболее возможно, не только потому, что основано на исторической практике, включая современную (прецедент существования англо-египетского протектората над Суданом), но и вследствие того, что может предоставить Египту наибольшие ресурсы при наименьших

военно-организационных издержках. Не следует полностью исключать и вероятность возвращения Египта на путь конфронтации с Израилем, особенно при дальнейшем усилении в стране политического исламизма, для которого этот путь – оптимален. Следует отметить, что в случае реализации этого сценария свою роль могут сыграть и палестинское военное присутствие в непосредственной близости от израильских транспортных артерий, и неполяльность израильских арабов внутри самой страны, и оснащенность египетской армии за счет американской военной помощи вооружениями практически того же класса, что и армии Израиля, и «взвешенная» позиция США, для которых Египет является не менее важным стратегическим партнером, чем Израиль.

Как представляется, масштабные проекты (от ввода в строй Асуанской плотины до современных планов освоения Синайского полуострова и Верхнего Египта) так и не привели к перелому ситуации в экономике, серьезно нарушив хрупкий экологический баланс страны. Косвенными следствиями этого является интенсификация процесса «вымывания» из страны интеллектуальной элиты, не видящей будущего на родине (в итоге чего процесс разрушения экономики, системы образования и науки принимает «самораскручивающийся» характер), а также рост политического влияния фундаменталистских исламистских партий и группировок, в том числе террористических, усиление которых происходит за счет сокращения электоральной базы правящего режима. Противостояние власти и исламского терроризма в Египте, разумеется, не достигло алжирского уровня, однако тенденции внутривнутриполитической жизни тем более тревожны, что страна не прошла еще критический период смены поколений власти, в отличие от Сирии, Иордании или Марокко.

Экономические отношения Египта с Израилем не достигают того уровня, который предсказывался экспертами в 70-е и 90-е годы – периоды наибольшей активизации американской внешней политики, направленной на нормализацию египетско-израильских отношений, хотя к концу XX века наметился некоторый прогресс, связанный с переориентацией израильской экономики на промышленность высоких технологий и выносом ряда отраслей за пределы страны (в том числе некоторых предприятий легкой промышленности – в Египет). Уровень поставок египетской нефти в Израиль стабилен, в немалой степени по инициативе израильтян, предпочитающих дифференцировать поставки с тем, чтобы не зависеть от единственного источника горючего, при том, что египетская сторона имеет достаточные резервы для их увеличения и предпринимает (совместно с американцами) немалые усилия для того, чтобы закрепиться на израильском рынке газа (за счет России, как потенциального партнера Израиля).

Таким образом, хотя Египет и является наиболее стабильным звеном в цепи соседей Израиля, не следует исключать возможности возвращения его в более или менее отдаленном будущем на позиции потенциального противника этой страны, причем противника, входящего в категорию самых серьезных. Для этого внутривнутриполитические процессы должны войти в «алжирскую» стадию и либо перейти в силовой конфликт с соседями, причем в качестве направления удара должен быть выбран именно Израиль, либо завершиться «иранским» вариантом. Следует вспомнить в этой связи, что шахский Иран был связан с Израилем гораздо теснее, чем Египет, в том числе не только в сфере экономики, но и в таких областях, как поставка вооружений, а также подготовка кадров для иранской армии и служб безопасно-

сти. Известно, чем это кончилось после победы исламской революции. Египет – не Иран, а традиции политической активности шиитского духовенства значительно глубже, чем суннитского, однако внутренние ресурсно-демографические проблемы Египта несопоставимы ни с иранскими, ни с чьими либо еще и на Ближнем Востоке, и далеко за его пределами.

Ирак

Ирак является наиболее непримиримым противником нормализации отношений с Израилем среди всех арабских государств, причем единственным, готовым не только к декларированию недопустимости самого существования «сионистского образования», как традиционно именуется Израиль в арабской прессе, но и к последовательной реализации своих угроз. Демонстрацией «серьезности намерений» Ирака в отношении Израиля стали: ракетный обстрел его территории в ходе Войны в Заливе и мобилизация миллионов добровольцев на поддержку палестинской интифаде осенью 2000 года. Разумеется, гораздо более насущными проблемами для Ирака являются отношения с Ираном (с которым Ирак воевал в 80-х годах), Турцией, считающей иракский Курдистан зоной собственных интересов, и Кувейтом, который Ирак столь неудачно для себя оккупировал в 1990 году, не говоря уже об опасениях, которые режим Саддама Хусейна, даже ослабленный поражением в ходе Войны в Заливе и десятилетием санкций, вызывает у всех остальных нефтяных монархий Персидского Залива. Не исчезает и некоторая настороженность по отношению к нему в Сирии и Иордании, впрочем все более ослабевающая по мере приближения к окончательному снятию антииракских санкций, в предвкушении возможных прибылей от экономического со-

трудничества с Ираком. Тем не менее, для Израиля проблема Ирака существует и носит весьма конкретный характер.

Следует отметить, что санкции ООН, основной инструмент современной американской политики, применявшиеся в течение ряда лет по отношению к враждебным США странам региона, в отношении Ирака провалились так же, как и в отношении Ливии или Ирана. В долгосрочной перспективе Ирак выиграл противостояние с США. Саддам Хусейн сохранил власть в стране, несмотря на ограничение возможностей его влияния на курдском севере и шиитском юге Ирака. Массовая гибель гражданского населения, в том числе детей, в результате применения санкций не подорвала позиций правящего режима, а консолидировала иракское общество вокруг лидера, окончательно убедив иракцев, что их истинный враг – США. Общественное мнение в странах Запада и арабского мира перешло на его сторону, причем антиамериканские настроения стали доминировать даже на территории стран антииракской коалиции начала 90-х годов. В итоге на рубеже XX и XXI веков Россия, Франция, Китай и ряд других государств не только де-факто отказались от политики санкций, но и стали активно лоббировать в стенах ООН их официальную отмену при поддержке подавляющего большинства арабских стран.

При этом устойчивость и жесткость внутренней системы Ирака не просто сохранились, но и усилились, опираясь на новое поколение офицеров служб безопасности, чей послужной список и карьера связаны исключительно со стабильностью правящего строя. Более того, новый Ирак немало приобрел за время действия санкций, косвенно способствовавших развитию в стране в условиях, исключавших импорт технологий и оборудования, собственной исследовательской и конструкторско-

технологической базы. В этой обстановке Ирак, стремительно продвигающийся к выходу на мировые рынки нефти, в немалой степени нормализовавший отношения с мировым сообществом, включая соседей и потенциальных инвесторов, сохранивший колоссальный потенциал нереализованных амбиций в области регионального политического лидерства, а также «особые» отношения с палестинцами, в свое время всемерно поддерживавшими оккупацию Ираком Кувейта, становится тем более серьезной угрозой для Израиля, что может атаковать его руками палестинцев, действия которых опираются на моральную поддержку значительной части мирового сообщества. При этом перевооружение самого Ирака и модернизация его армии в конечном счете – дело времени и денег. Ответные действия Израиля, вроде превентивной бомбардировки иракского ядерного реактора, проведенной в 80-е годы, в условиях нового арабо-израильского противостояния могут привести к непредсказуемым последствиям, включая масштабную региональную войну и введение санкций против самого Израиля. Демонстрируемые израильским руководством паралич политической воли и полное отсутствие стратегической концепции взаимоотношений с арабским миром, которая могла бы сменить обанкротившуюся «политику мира» 90-х годов, заставляют усомниться в наличии у современного Израиля адекватного ответа на потенциальную иракскую угрозу, если не считать таковым уже однажды не сработавший американский противоракетный «зонтик».

Монархии Залива

Позиции в отношении Израиля монархий Аравийского полуострова, часто называемых монархиями Персидского залива, современная экономика которых основана на добыче и экспорте нефти и газа, зависят от ряда факторов. Это, во-

первых, их зависимость от состояния топливно-энергетических рынков стран Запада – крупнейшего потребителя энергоносителей. Разумеется, зависимость эта взаимная, ибо возможность очередного применения «нефтяного оружия», в свое время уже спровоцировавшего кризис мировой экономики начала 70-х годов, находится в руках Организации арабских стран – экспортеров нефти (ОАПЕК), однако в современных условиях вероятность применения нефти как фактора давления серьезнейшим образом ограничена интегрированностью основных средств, получаемых монархиями Залива от ее экспорта, в экономику Запада. Совокупный объем арабских инвестиций в мировую финансовую систему таков, что подрывая западную экономику, страны Залива таким образом наносят удар по собственному благосостоянию.

Страны эти чрезвычайно чувствительны по отношению к реакции на их действия США и, в меньшей мере, Великобритании – основных внешних военных сил, присутствующих в регионе. Сколько бы ни критиковали лидеры арабских монархий американско-израильские отношения и не декларировали приверженность идее арабского единства, статус военных союзников Соединенных Штатов гарантирует их от всех неприятностей, связанных с опасным соседством с агрессивными режимами Йемена, Ирака и Ирана, находящихся с монархиями Аравийского полуострова в перманентном конфликте, основанном на давних, значительных и частично реализованных силовым путем ресурсно-территориальных претензиях.

Не следует забывать о весомости в традиционном обществе монархий Залива исламского фактора и наличии на их территории значительного числа собственных исламистских экстремистов. Находясь перед необходимостью «переключения» их активности с внутренних проблем стран полуострова

на «внешние объекты», монархи Залива нашли одно из решений в подпитывании финансами их деятельности за пределами собственных государств, включая периодически объявляемый той или иной группировкой антиизраильский «джихад».

В то же время монархии Аравийского полуострова не только не могут вступить в прямое военное противостояние с Израилем, но и делают все возможное, чтобы этого не произошло. Включение их в сравнительный военный баланс арабо-израильского противостояния не вполне корректно, ибо огромные средства, затрачиваемые ими на вооружение, направлены на поддержание боеготовности не столько для отражения мифической израильской агрессии, сколько потенциальной агрессии со стороны Ирака, Ирана или Йемена, а также для сохранения взаимного баланса силы в собственном кругу.

Весомым фактором в регионе является присутствие иностранной рабочей силы, везде составляющей значительную часть, а в ряде стран – подавляющее большинство населения, в том числе представителей исламского мира: палестинцев, египтян, йеменцев, пакистанцев, причем зачастую на самых ответственных постах. Они абсолютно необходимы для нормального функционирования экономики стран Залива, однако рассматриваются их истеблишментом как потенциальный источник социальной напряженности и «пятая колонна». Основание этому дали волнения 90-х годов среди этой категории жителей нефтяных монархий, не желающих оставаться на положении бесправных, постоянно третируемых местными жителями пришельцев, которые, играя решающую роль в создании богатства эксплуатирующих их труд стран, не имеют и никогда не получают в нем доли, соответствующей их вкладу. Особо следует отметить напряженные отношения местной элиты с палестинцами, вследствие их коллаборационизма в период оккупации Кувейта Ираком.

Формально отношения палестинского руководства с правящими режимами стран Залива были к концу 90-х годов восстановлены, однако на деле их уровень был значительно ограничен, а масштабы финансовой помощи и экономического участия в развитии инфраструктуры Палестинской автономии – минимальны.

Правительства стран Залива, принимая решения о той или иной форме взаимоотношений с Израилем, вынуждены считаться с антиизраильскими настроениями абсолютного большинства из числа многомиллионной армии иностранной рабочей силы из стран ислама – потенциального детонатора социальных волнений на их территории. В то же время Израиль является не только провоцирующей инциденты с местными экстремистами, но и значительной сдерживающей силой регионального масштаба. Это многократно было доказано поддержкой в области борьбы с терроризмом, которую Израиль оказывал таким дружественно-нейтральным по отношению к нему лидерам арабского мира, как Анвар Садат и король Хусейн. Достаточно велик и соблазн экономических преимуществ от сотрудничества с единственным государством региона, вышедшим на стадию постиндустриального развития, причем даже без учета специфики отношений с США и еврейской диаспорой Запада, экономическая верхушка которой поддерживает тесные деловые контакты со странами Залива.

Разумеется, отношения каждой из монархий Залива с Израилем отличаются особой спецификой. Крупнейшая и наиболее влиятельная из нефтедобывающих стран Аравийского полуострова – *Саудовская Аравия* – придерживается наиболее жесткой формальной позиции. На это влияет как особое отношение правящей династии, приверженной строгому ваххабитскому исламу, к проблеме Иерусалима – третьего для мусульман святого города после контролируемых до-

мом Сауда Мекки и Медины вследствие необходимости продемонстрировать особую религиозную ревность в конкуренции за влияние в исламском мире с постхомейнистским Ираном, так и относительная независимость королевства от стран Запада. В последнее время в стране усилились голоса, призывающие освободить ее территорию от американского военного присутствия. В то же время наличие в Саудовской Аравии на текущей повестке дня вопроса престолонаследия заставляет истеблишмент королевства воздерживаться от каких бы то ни было резких шагов во внешнеполитической области.

Кувейт, освобожденный от иракской оккупации благодаря усилиям сформированной Западом коалиции, в наибольшей мере зависит от США и относится к Израилю значительно более терпимо. Во многом это является следствием роли, сыгранной палестинской общиной страны в период захвата ее Ираком.

Позиция *Объединенных Арабских Эмиратов* носит промежуточный характер между позициями Кувейта и Саудовской Аравии. Зависимость Эмиратов от стран Запада меньше, чем у Кувейта, хотя территориально-ресурсные споры с Ираном заставляют руководство ОАЭ рассчитывать на американскую помощь в случае прямого конфликта с этой страной. В то же время Эмираты вкладывают значительные средства в поддержание своего влияния в странах арабского мира, и излишняя готовность к следованию в фарватере США по вопросу арабо-израильского урегулирования не соответствует долгосрочным планам руководства страны.

Бахрейн в наибольшей мере из монархий Залива заинтересован в сохранении прочных отношений с Соединенными Штатами. Это следствие исторической роли США в развитии его экономики, положения основной базы военно-

морских сил США в Персидском заливе, которое он занимает, и зависимости от США для сглаживания отношений с Катаром и сдерживания Ирана, с которыми он вовлечен в неурегулированные территориально-ресурсные конфликты.

Катар и Оман демонстрируют наибольшую заинтересованность в развитии экономических отношений с Израилем. Обе страны проявили это в ходе обострения палестино-израильского конфликта осенью 2000 года. Катар при этом является на общеарабском фоне государством, значительно более уязвимым в геополитическом, военном и экономическом отношении, чем Оман, хотя занял более независимую позицию, чем последний, в вопросе сохранения отношений с Израилем. Несмотря на серьезную заинтересованность в израильском газовом рынке, он все же вынужден был разорвать с Израилем торговые отношения под давлением стран-участников заседания Организации Исламская конференция, состоявшегося в Дохе осенью 2000 года, которое чуть было не было сорвано из-за первоначального отказа Катара присоединиться к антиизраильскому бойкоту.

Иран

Иран до самого конца 70-х годов был теснейшим образом связан с Израилем.

Это касалось не только правящей династии, но и экономического и военного истеблишмента, а также руководства иранских спецслужб. С переходом власти к шиитскому духовенству, возглавляемому аятоллой Хомейни, отношения обеих стран вступили в долгий период охлаждения, длящийся до сих пор. Разумеется, расхождение не было мгновенным: примером контактов, переходящих в случае совпадения тактических интересов в сотрудничество, может служить снабжение

Ирана, тогда уже «диссидента» RAX AMERICANA, через цепь посредников, включавшую Израиль, американским оружием и военной техникой в годы войны исламской республики с Ираком, одним из главных союзников СССР на Ближнем Востоке, широко освещенное американскими средствами массовой информации в ходе расследования дела «Иран-контрас».

Не следует забывать и о том, что в Иране до сих пор существует одна из крупнейших еврейских общин в исламском мире, имеющая ограниченные, но зафиксированные политические права и пользующаяся тем статусом и теми привилегиями в частной жизни, которые могут быть предоставлены «зимми» в соответствии с Кораном. Права ее, впрочем, покоятся на столь же зыбком фундаменте, что и национальные права евреев в СССР конца 40-х - начала 50-х годов. Это продемонстрировал инспирированный в 2000 году консервативным исламским духовенством в рамках борьбы в сфере внутренней политики процесс над «израильскими шпионами», в итоге которого группа иранских евреев была без сколь бы то ни было серьезных оснований осуждена на различные, в том числе значительные, сроки тюремного заключения. Процесс этот всколыхнул еврейские общины всего мира, усилил антииранские настроения на Западе и значительно увеличил опасения в отношении Ирана в Израиле.

Ирано-израильские отношения нельзя рассматривать без учета интересов в регионе США, России и государств, граничащих с Израилем с одной стороны и с Ираном – с другой. Это в первую очередь рассмотренный выше комплекс проблем, связанных с сотрудничеством России и Ирана в области ядерных технологий и военно-технической сфере. Надо сказать, что при всем том, насколько серьезную роль

сыграли в разворачивании конфликтной ситуации вокруг российских поставок в Иран Соединенные Штаты, значительная доля вины в этом лежит на иранском религиозном истеблишменте, сделавшем все возможное, чтобы Израиль в иранских средствах массовой информации выступал исключительно в качестве «образа врага». Израильцы при этом воспринимали и воспринимают антиизраильскую риторику в иранской прессе и антиизраильские заявления иранских официальных лиц как доказательство возможности атаки иранских ракет настолько остро, что это казалось бы фобией, если бы такие настроения не имели под собой достаточно прочной основы.

Иран и Сирия, тесные отношения с которой, помимо религиозного аспекта (паломничество иранцев к шиитским святыням на территории Сирии), включают аспект политический, имеющий не только антиизраильскую, но и антииракскую направленность, в течение двух десятилетий поддерживали и продолжают поддерживать антиизраильские организации, действующие в Южном Ливане, в первую очередь такие, как шиитская милиция «Амаль» и движение «Хизбалла». Их скоординированная деятельность по вытеснению израильской армии из южного Ливана в конечном счете увенчалась успехом летом 2000 года. Если левая израильская пресса оценила вывод войск из Ливана положительно, а правая увидела в нем очередной этап национальной катастрофы, то исламский мир (в том числе иранский истеблишмент и иранская «улица») однозначно восприняли его как первое серьезное военное поражение Израиля и свою победу. Это значительно радикализовало отношение Ирана к Израилю с началом палестинской «интифады Аль-Акса», тем более, что уже к концу 90-х годов между руководством Ирана и лидерами палестин-

ских вооруженных формирований, сыгравших ключевую роль в вооруженном противостоянии палестинцев с Израилем осенью 2000 года, возникли достаточно прочные связи. Последнее, особенно на фоне обострения борьбы между либералами и консерваторами в самом Иране, может спровоцировать втягивание Ирана в палестино-израильское противостояние. С обострением палестино-израильского конфликта Иран со все более возрастающей агрессивностью начал декларировать возможность собственного силового вмешательства в него, как непосредственно, так и в качестве координатора всех антиизраильских сил. В том случае, если увенчаются успехом попытки иранских консерваторов свернуть Иран с пути эволюции правящего режима и отхода от пропаганды исламской революции, наметившегося с приходом к власти президента Хатами, на путь возврата к практике ее активного «экспорта», включающей поддержку антиизраильского военно-политического исламизма, последствия этого могут быть самыми непредсказуемыми, вплоть до широкомасштабной региональной войны, ибо ответ Израиля, поставленного перед реальностью физического уничтожения, скорее всего, будет «асимметричным».

Российские эксперты убеждены в том, что Иран в любом случае вынужден развивать ракетную программу, имея на своих границах таких соседей, как Афганистан, в котором доминирует агрессивная исламская теократия движения «Талибан», Пакистан с его размытой границей в районе расселения пуштунских племен (при крайней опасности этнического сепаратизма для многонационального Ирана) и реально существующей на вооружении атомной бомбой, не говоря уже об Ираке, где по-прежнему правит Саддам Хусейн, с которым Иран воевал на протяжении всех 80-х годов. Воин-

ственная же антиизраильская риторика Ирана, равно как теория «экспорта исламской революции» и практика поддержки исламских движений типа «Хизбаллы», рассматривается ими в контексте общей эволюции революционного исламского режима по аналогии с процессами, происходившими в свое время в СССР. Исходя из этого, ясно, что современный Иран переживает период сосредоточения на внутренней борьбе за власть различных групп иранского истеблишмента, с соответствующим смещением интересов иранской элиты и финансовых потоков, контролируемых ею. При внешнем сохранении прежних лозунгов их наполнение в большой мере выхолощено, подобно тому, как в свое время советское правительство уделяло все меньшее внимание идее мировой пролетарской революции и Третьему Интернационалу как ее непосредственному организатору.

Кроме того, до самого последнего времени казалось, что Иран окончательно пережил период революционного романтизма и перешел в стадию реформ, призванных модернизировать его общественное устройство и продлить тем самым жизнь правящей элите. При этом широко распространенные на Западе сравнения президента Хатами с Михаилом Горбачевым и связанные с этим ожидания в корне неверны, скорее, он играет для Ирана ту же роль, которую для СССР играл Хрущев. Поэтому, с одной стороны, Россия, опирающаяся на собственный исторический опыт, относилась и относится к угрозам Ирана в адрес Израиля с той же степенью серьезности, что и к звучавшему в Москве сорок лет назад антиимпериалистическому лозунгу «мы вас похороним» и памятным обещаниям построить в СССР коммунизм к 1980 году. С другой стороны, однако, продолжая прослеживать параллель между Хрущевым и Хатами, не следует ни пере-

оценивать либерализма иранского президента, применяя к нему западные мерки, ни недооценивать возможности на современном этапе рецидивов политики исламской революции, пусть и в измененной форме, подобно тому, как несмотря на отсутствие на мировой политической арене Троцкого или Сталина, «Карибский кризис» во времена хрущевской «оттепели» чуть было не привел к Третьей мировой войне.

Представляется вполне возможным, что отношения Израиля и Ирана в относительно коротком историческом будущем могут быть нормализованы. Произойдет это, разумеется, если Израиль сумеет сохраниться как государство на ближневосточной политической арене, что далеко не гарантировано ему, несмотря на все экономические и военные достижения, а иранские консерваторы не сумеют вернуть Иран к политической практике времен аятоллы Хомейни, иранские же либералы преодолеют соблазн закрепиться у власти, демонстрируя бóльшую приверженность исламскому активизму на внешнеполитическом направлении, чем консерваторы, втянувшись в силовой конфликт с Израилем или даже инициировав его. Основой сотрудничества Израиля с Ираном может быть, в частности, общность интересов в потенциальном противостоянии обеих стран с Ираком. Заслуживает внимания (в частности, по мнению индийских экспертов) и возможность неформального присоединения Израиля к намечающемуся сотрудничеству Ирана, Индии и, возможно, России, в сдерживании Пакистана, вернее, существующего де-факто пакистано-афганского блока, обладающего «исламской бомбой», с одной стороны, и идеологическими резервами революционного политического исламизма, находящимися в распоряжении движения «Талибан», значительно превосходящими иранский «исламский ревизионизм» се-

годняшнего дня, с другой. Главным же источником умеренного оптимизма в отношении будущего ирано-израильских отношений до сих пор остается прошлое двадцатилетней давности и несомненные признаки внутренней эволюции и модернизации современного исламского общества в Иране.

Турция

Турцию связывает с Израилем прочное экономическое, политическое и военно-техническое сотрудничество, базирующееся на совпадении тактических и стратегических интересов. Из всех стран исламского мира отношения Израиля с Турцией, основанные во многом на сходных проблемах и одинаковых подходах к их решению, представляются наиболее прочными в долгосрочной перспективе.

Отношения Турции с арабскими странами столь же далеки от идеала, как и отношения с ними Израиля. На глубинном уровне для арабов современная Турция – прямая наследница Турецкой империи – колонизатора, на несколько столетий захватившего власть над бывшим Халифатом, мечты о возрождении которого питали политический панарабизм в течение XX столетия. Для Турции, в свою очередь, все арабские страны (как и государства Балкан и Закавказья) – это бывшие провинции, в тот или иной период захваченные европейцами или завоевавшие независимость благодаря поддержке великими державами местного сепаратизма.

Турция конфликтует с обеими соседними арабскими странами: Сирией и Ираком из-за вод Тигра и Евфрата, подобно тому, как Израиль, хоть и в гораздо меньших масштабах, спорит из-за воды со своими арабскими соседями, причем и Турция, и Израиль занимают в этих спорах активную наступательную позицию. Проводимые на турецкой террито-

рии гидротехнические проекты усиливают регулирующую роль Турции и значительно уменьшают сток обеих великих рек Двуречья (основного водного ресурса арабского Машрика), поступающий в распоряжение расположенных ниже по течению арабских государств.

Объединяют обе страны и территориальные споры с соседями, также до последнего времени решавшиеся в их пользу. Сирия лишилась в течение XX века не только Голанских высот, аннексированных Израилем, – она потеряла в ходе деколонизации богатейшую приморскую северо-западную провинцию: Александретту, переданную Турции французами. Турция претендует и на расширение своего влияния на богатый нефтью север Ирака, проводя масштабные антитеррористические армейские операции против курдов на иракской территории. Представляется вероятным, что иракский Курдистан не был аннексирован ею в ходе операции «Буря в пустыне» в первую очередь из-за опасности, которую таило для самой Турции присоединение к ней территорий, населенных миллионами курдов.

Проблема сепаратизма и терроризма, палестинского для Израиля, курдского для Турции, опирающегося на резолюции международных организаций и поддерживаемого из-за рубежа (в турецком случае – с территории Ирана и соседних арабских государств), объединяет Израиль и Турцию, как и методы борьбы с ним, хотя позиция в этом вопросе Турции значительно жестче, чем Израиля. Обе страны борются с политическим исламизмом, причем Турция гораздо последовательнее Израиля, ибо запрет на доминирование ислама в политической жизни является одним из краеугольных камней политического наследия основателя современной Турции Кемаля Ататюрка. Что касается собственно фундаментализма, и Израиль, и Турция приемлют в первую очередь его

экспортную составляющую, стараясь, хотя и не слишком успешно, ограничить влияние фундаментализма на светские основы своего государства.

Общим является для обеих стран историческая роль армии в становлении и развитии государства в XX веке. Союзнические отношения связывают их с США, прочные, хотя и неравноправные – с Европейским Союзом, а отстроенные заново в 90-е годы тесные связи с Россией активно развиваются, в том числе в тройственном формате (включающем глобальные экономические и военно-технические проекты).

Уровень партнерства Турции и Израиля сказывается и на уровне учета взаимных интересов. Так, сложные отношения существуют у обеих стран с Грецией и Арменией. Первая – соперник и противник Турции, периодически оказывающаяся с ней на грани вооруженного конфликта, гасимого только благодаря влиянию США в рамках блока НАТО, поддерживает активные отношения с арабскими странами и организациями, выступающими против Израиля. Вторая с переменным успехом добивается от мирового сообщества признания факта армянского геноцида в Турции в начале XX века и конфликтует с Азербайджаном. В обоих этих вопросах она, вопреки ожиданиям армянского истеблишмента, не была поддержана ни Израилем, ни лидерами еврейской диаспоры Запада, причем главным аргументом, заставившим Израиль воздержаться от выступления на стороне Армении, было нежелание нарушать сложившийся баланс отношений с Турцией (во втором случае – и с Азербайджаном).

Отношения Израиля с Турцией укрепляет и существование в этой стране большой и влиятельной еврейской общины. Следует отметить, что руководство турецкой армии – одна из главных политических сил в стране – твердо и по-

следовательно держит курс на развитие отношений с Израилем в качестве составляющей не только внешней, но и внутренней политики, направленной на ограничение влияния в стране исламских партий. Лидеры турецких исламистов, в свою очередь, настроены на снижение их уровня и постепенное сворачивание. Обострение палестино-израильского противостояния в ходе «интифады Аль-Акса» стало дополнительным фактором в пользу турецких исламистов. Представляется вероятным и усиление антиизраильских настроений в среде курдов, включая политическое и военное руководство движений, борющихся за создание курдского государства. Это проявилось особенно ярко после ареста турецкими спецслужбами лидера курдских революционеров Абдаллаха Оджалана: успех этой операции был приписан помощи Израиля, и это вызвало волну антитурецких и антиизраильских выступлений курдов по всему миру.

Прочие страны исламского мира

Королевство *Марокко* с его большой и влиятельной еврейской общиной, тесными связями с Францией и Испанией и высоким уровнем интеграции в европейские проекты развития Средиземноморья на протяжении десятилетий поддерживало с Израилем значительные неформальные контакты. Не случайно первый MENA саммит в рамках ближневосточного мирного процесса прошел именно на его территории, в Касабланке. Отношения Марокко с Израилем были заморожены с началом палестино-израильского конфликта осенью 2000 года, однако король Мохаммед VI подчеркнул недопустимость попыток распространить на евреев королевства ответственность за этот конфликт. Уровень марокканско-израильских отношений в будущем во многом зависит от

того, насколько последовательно король сможет модернизировать экономическую и политическую жизнь королевства, включая ограничение влияния исламского духовенства. Следует отметить израилефильские настроения в среде берберов, организации которых выступили в ходе «интифады Аль-Акса» не только в поддержку идеи палестинского самоопределения, но и с открытой критикой огульного осуждения Израиля арабами, напомнив о проблемах национальных меньшинств в самом арабском мире.

Мавритания не имеет серьезного влияния в арабском мире и на протяжении десятилетий оставалась его парией. Не случайно эта страна была единственной, кроме Египта и Иордании, имеющей с Израилем дипломатические отношения. Следует отметить и тот факт, что антиизраильские выступления в Мавритании осенью 2000 года были подавлены правительством.

В *Алжире* эволюция революционного режима, сопротивления берберов арабизации, гражданская война и разгул исламистского терроризма серьезно подорвали базу антиизраильских настроений. Пересмотр итогов последних десятилетий развития страны в среде национальной интеллигенции поставил вопросы не только о возможности новых отношений с Францией, но и о роли алжирских евреев в становлении экономики страны, а также возможности изменений в отношениях с Израилем. Идеи алжиро-израильских контактов не выходят за пределы гуманитарной сферы, но вселяют осторожный оптимизм.

Тунис – наиболее вестернизированная из революционных демократий Магриба. Прочные отношения с европейскими державами, в первую очередь Францией, оказали сдерживающее воздействие на его негативное отношение к

Израилю. В то же время присутствие в 80-90-х годах палестинского военного командования в Тунисе и действия против него израильтян (включая точечный авиационный удар по штаб-квартире ООП) на тунисской территории до сих пор отрицательно сказываются на тунисско-израильских отношениях. Тунисско-израильские экономические связи были разорваны с началом «интифады Аль-Акса», и ожидать восстановления их в ближайшее время не приходится.

Все инициативы по отношению к Израилю, проистекающие с территории *Ливии*, являются прерогативой революционного лидера Джамахирии Муаммара Каддафи и столь же противоречивы, сколь противоречиво само его правление. Инициативы эти зависят от того, насколько удачно реализуются на том или ином этапе претензии Каддафи на лидерство в арабском (или африканском) мире в целом и Магрибе, в частности, от уровня напряженности в его отношениях с США и другими странами Запада, «ревизионистским» Египтом, монархиями Машрика и т.д. Диапазон их непредсказуемо широк, от идеи признания Ливией Израиля до идеи объявления ему джихада, хотя подавляющее большинство составляют заявления враждебные. Муаммар Каддафи зачастую не менее агрессивен по отношению к Израилю, чем Саддам Хусейн, однако он значительно более импульсивен и менее последователен и в словах, и в делах, соответственно, – менее опасен. Более того, его ультрареволюционная антимонархическая риторика косвенно влияет положительным образом на отношения Израиля с арабскими монархиями, а агрессивные нападки на Египет (не остающиеся без ответа) несколько смягчают традиционно негативное отношение военного и политического истеблишмента этой страны к Израилю.

Судан придерживается однозначно негативного отношения к Израилю, хотя правящий режим не отказывался контактировать с ним в случае получения от этих контактов достаточной тактической выгоды (в частности, в ходе израильских операций по спасению эфиопских евреев из объятой гражданской войной Эфиопии через территорию Судана). Усиление в стране политического ислама заставляет предположить возможность использования ее территории в качестве базы для подготовки террористических операций против Израиля, хотя отдаленность Судана от Израиля затрудняет это, сдерживая антиизраильскую активность суданских исламистов. *Исламские страны Африканского Рога* по отношению к Израилю негативно-нейтральны, их конфликты лежат в сфере внутренней политики и отношений с Эфиопией.

Современный Йемен открыто враждебен Израилю, США и Западу в целом, хотя основной конфликтный потенциал, в том числе ресурсно-территориальный, заложен в его отношениях с граничащими с ним государствами Аравийского полуострова. Дополнительно усиливает негативные тенденции в йеменско-израильских отношениях сближение Йемена с Ираком, в том числе военно-политическое, особенно усилившееся со времени оккупации последним Кувейта, которую Йемен поддержал (что послужило предлогом депортации с территории нефтедобывающих монархий Залива почти всех временных рабочих йеменского происхождения). Йемен может служить плацдармом подготовки и источником вооружения значительных антиизраильских вооруженных формирований, в том числе палестинских, хотя прямое участие этого государства в конфликте с Израилем вряд ли возможно.

Сдержанно-негативное отношение к Израилю *Пакистана* значительно более ярко проявляется пуштунским и пропаки-

станским в своей основе режимом талибов, контролирующим большую часть *Афганистана*. В то же время талибы служат сдерживающим фактором для Ирана, а их прямое участие в силовых действиях против Израиля практически исключено. Значительно более важно их покровительство международному исламскому терроризму, в частности группам и лидерам, главной целью которых являются США и Израиль, а с началом чеченской войны – и Россия (в том числе «афганским арабам», ярким представителем которых являются Хаттаб и бен-Ладен). Существенно, что группы эти на территории современного Афганистана могут получить опыт масштабного ведения боевых действий в реальных условиях.

Исламские государства ЮВА: Индонезия, Малайзия и Бруней «игнорируют» Израиль в рамках общеисламской солидарности и поддерживают палестинцев, хотя анализ их собственных экономических, политических и оборонных интересов заставляет полагать возможным налаживание полномасштабных отношений этих стран с Израилем в будущем. Обладая значительными резервами нефти, они не только не зависят от колебания цен на энергоносители на мировом рынке, но и существенно выигрывают от их повышения, что делает их абсолютно невосприимчивыми к «нефтяному бойкоту». В то же время высокая степень экономической интеграции *Малайзии и Индонезии* в мировое сообщество, в том числе в сферу промышленности высоких технологий, а также значительный уровень расходов на оборону делает их естественными потенциальными партнерами Израиля. Экономически они в немалой степени зависят от Запада, рынки которого поглощают большую часть произведенной в этих странах продукции, что также снижает возможность их активного участия в антиизраильских действи-

ях, ограничивая его политическими декларациями, хотя политический фон их отношений с Западом (в первую очередь из-за споров в экономической сфере) далеко не безоблачен.

6. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМИСТСКОГО ТЕРРОРИЗМА

Глобализация, изменившая мировую экономику и политику, серьезно сказалась на безопасности Израиля, увеличив опасность, которой подвергается на настоящем этапе это государство в столкновении с современным международным терроризмом. В течение всей его истории Израиль играл роль мишени, атакуемой большинством радикальных групп самого разного толка. Ситуация эта не только не улучшилась с прекращением глобального противостояния двух мировых идеологических систем и распадом СССР, традиционно считавшегося в Израиле если не организатором, то спонсором и вдохновителем большинства актов международного терроризма, но и значительно ухудшилась. Терроризм стал неотъемлемой частью жизни израильтян в 90-е годы, причем отсутствие на мировой карте СССР сыграло в этом не последнюю роль: как выяснилось, в его лице исчезла не только враждебная Израилю сверхдержава, но и основной фактор сдерживания экстремистских групп, партий и движений, в какой-то мере контролировавший уровень их активности.

Ситуация в мировом экстремистском движении конца XX – начала XXI века стала напоминать обстановку в самурайской Японии эпохи Трех сегунатов или войн Минамото и Тайра. Силловые группы (по преимуществу революционно-левацкого толка), поддерживавшиеся СССР против США (а на Ближнем Востоке - и против Израиля), потеряли «хозяина», перейдя на «вольные хлеба» (или, придерживаясь японской терминологии,

стали «ронинами»), те же, что пестовались США против СССР (в том числе исламские фундаменталисты), потеряли свое значение для бывшего патрона, что, привело к тому же самому. Говоря об исламском или, точнее, исламистском экстремизме, следует признать его преимущество на этапе распада отношений с недавними покровителями перед обанкротившейся левой идеологией, доминировавшей в среде экстремистов на протяжении всего XX века. Этому способствовала опора исламистов на «вечные ценности», заложенные в Коране, а не на изменчивую политическую конъюнктуру, включая такой постулат, как джихад (ислам – наиболее молодая и политически активная из монотеистических религий авраамической триады – достаточно легко поддавался и поддается, при желании, экстремистским интерпретациям).

Большую роль сыграло и наличие могущественных покровителей в лице нефтедобывающих монархий исламского мира с их колоссальными финансовыми ресурсами, влиянием исламского духовенства и готовностью правящих режимов поступиться частью доходов для того, чтобы направить исламистский экстремизм на внешних противников, не допустив, как это произошло в свое время в Иране, его выступления против правящих династий. В самом Иране, Судане и таких странах бывшей «социалистической ориентации», как Ливия, Ирак, Йемен и Сирия, поддержка действующих за пределами этих стран исламистов стала частью национальной политики. Следует отметить при этом чрезвычайно жесткое подавление этими государствами любых антиправительственных исламских выступлений на собственной территории. Огромные человеческие резервы в виде миллиарда мусульман, большей частью живущих в бедных странах третьего мира, также способствовали расширению сферы влияния исламизма.

На современном этапе складывается достаточно полная картина действий в глобальном масштабе исламистского «Зеленого интернационала», которая вызывает яростную критику со стороны исламских лидеров, обвиняющих экспертов и политиков в разжигании розни между государствами развитого мира и мира ислама, картина, тем не менее достаточно полная и подробная, чтобы ее описать (при этом важную роль в ней играет Государство Израиль). Связывая воедино итоги последних двадцати с небольшим лет развития политического исламизма, можно отметить следующее:

1. Современный политизированный ислам консервативного толка не только победил в ряде государств (Иран, Афганистан, Судан), но и расширяет сферу своего влияния, в том числе военным путем. Разумеется, происходит это с разной интенсивностью, ибо Судан и Афганистан не вышли из фазы гражданской войны, а исламская революционная активность Ирана, значительная во времена аятоллы Хомейни, несколько умеряется внутривнутриполитическими конфликтами.

2. В конце XX века политический исламизм активизировался в регионах, где прецеденты военного противостояния ислама с неисламским миром относились к области истории XIX века, преимущественно на границах сфер влияния бывших империй: Османской, Российской и Британской (в Ливане, Косово, Чечне, Израиле, Палестине, Иране, Афганистане), захватывая там плацдарм за плацдармом, в том числе и территориальные.

3. В ряде государств исламского мира политический исламизм с успехом выступает против правящей элиты (Алжир), либо может добиться серьезных успехов в ближайшем будущем (Египет, Иордания) вплоть до захвата власти.

4. Агрессивно-революционные и умеренно-революционные режимы арабского мира (Ирак, Сирия, Йемен, Ливия)

поддерживают исламистов организационно и финансово, жестко контролируя их активность на собственной территории.

5. Даже такая ориентированная на Запад светская страна, как Турция, у которой антиисламизм, опирающийся на всю мощь вооруженных сил, входит в число фундаментальных основ государственного устройства, поддерживает распространение «мягкого ислама» в его «экспортном исполнении» (на постсоветском пространстве) в качестве составляющей внешней политики.

6. Современный политический исламизм освоил псевдодемократическую риторику и пользуется значительной поддержкой мировых средств массовой информации, включая либеральные СМИ Запада, базируется на популярной теории мультикультурализма и традиционной во всем мире оппозиционности левой (по преимуществу) интеллигенции к правящей власти, опираясь не только на поддержку неисламских режимов, возглавляемых зачастую «старыми союзниками» по революционному и национально-освободительному движению (ЮАР и другие страны Африки и Азии), но и на информационно-политическую (Чечня, Израиль, Палестина) или даже военную (Косово) помощь стран Запада.

7. Современные экстремистские группировки, использующие стратегию террора и вооруженной революционной борьбы, в том числе национально-освободительные (сепаратистские) движения (в Чечне, Палестине, Курдистане), сотрудничают, в случае совпадения их интересов, с исламистскими группировками в полном масштабе.

8. Консервативные исламские монархии «откупаются» от собственных исламистов, поддерживая их активность за пре-

делами собственной территории (финансирование «афганских арабов», исламистов в Косово, Чечне, Палестине и Израиле).

9. Современный политический исламизм одинаково активен в общественно-политической, религиозно-идеологической и военной сферах. При этом в военной области он с наибольшим успехом использует партизанскую, террористическую и диверсионно-подрывную деятельность, в том числе в городских условиях. Сфера этой деятельности ничем не ограничена: объектами нападения с равной степенью вероятности и с одинаковым «успехом» могут быть Москва, Нью-Йорк, Иерусалим или Каир.

10. Вооруженные силы государств, являющихся объектом атаки исламистов (США, Россия, Израиль), на современном этапе для борьбы с ними неэффективны, так как предназначены для ведения полномасштабных межгосударственных войн, а не подавления партизанско-диверсионной деятельности, в том числе в городах и зачастую – с участием гражданского населения (иногда – массового). Полицейские же силы для этого слишком слабы.

11. Исторический опыт показывает, что успешно действовали против политического исламизма (как и против сепаратизма, и любого антиправительственного экстремизма) только правящие режимы стран Ближнего Востока, применявшие практику тотального уничтожения (Ливия, Сирия, Ирак). Историческим примером эффективности такого подхода является СССР эпохи Сталина. Более мягкие меры (Алжир, Египет, Иордания, Палестина, Израиль) к успеху не приводили и не приводят. Практика эта, однако, неприемлема для стран, являющихся основными объектами атак исламистов на современном этапе.

12. Применяемая на Ближнем Востоке Соединенными Штатами (и, в гораздо меньших масштабах, скопировавшим американский опыт Израилем) практика экономических санкций и территориальной блокады как политического инструмента, позволяющего ограничить распространение экстремизма невоенным путем, себя не оправдывает. Более того, она не оправдалась ни разу на протяжении всего XX века (в том числе по отношению к СССР, Китаю, Кубе, Северной Корее, Вьетнаму, Югославии и т.д.).

13. Современные средства транспорта и связи, доступность информации и технологий, появление *мирового* информационного пространства и превращение огромных регионов в частично взаимоперекрывающиеся зоны свободного перемещения людей, товаров и услуг, ликвидируют большинство препятствий для физического перемещения террористов, либо делают само это перемещение ненужным для нанесения ударов по объектам атаки. При этом особую роль играет возможность террористической деятельности с использованием высоких технологий, в том числе в экологической и электронно-информационной областях, в сфере финансов, управления обычными и неконвенциональными вооружениями и крупными производствами, ущерб от которой, как показывает опыт, может быть сопоставим с ущербом от военных действий. Показательным стал выход на международную арену с началом «интифады Аль-Акса» арабских хакеров.

14. Это же делает ненужным наличие единого командного узла или единого штаба для ведения полномасштабной, эффективной и результативной борьбы с бюрократизированными, зарегулированными и, как следствие, неэффективными политическими и военными системами, против ко-

торых ведут борьбу высокоомобильные и легко координирующие свои действия группировки политического исламизма. Наличие же большого числа центров принятия решений при легкости замены руководящего состава и возможности дисперсного распыления действующих групп до единиц включительно затрудняет борьбу с ними, если не делает ее невозможной.

15. Последнее в полной мере касается опыта действий исламистов против Израиля: подготовленные террористы могут сколь угодно долго жить частной жизнью, не поддерживая контактов ни с кем из бывшего окружения, а решения по проведению терактов принимать самостоятельно, пользуясь подручными средствами и не согласовывая эти решения с кем бы то ни было, что не дает их выявить и обезвредить на этапе подготовки.

16. Глобализация системы мирового хозяйства позволяет экстремистским, в том числе исламистским, группировкам без особых проблем внедрить свою кадровую, финансово-экономическую и технологическую базу в страны и регионы, являющиеся объектом их подрывной деятельности, т.е. действовать не извне, а изнутри уничтожаемой системы.

17. Гражданское население (в частности, женщины, подростки и дети) легко рекрутируются современными экстремистами, сепаратистами любого толка, в особенности исламистами (фактор мученичества за веру), и являются высокоэффективной боевой силой, действующей тем более успешно, что борьба армии против гражданского населения дает значительный контрпропагандистский эффект, в том числе на международном уровне. Огромно влияние этого фактора на национальную либеральную интеллигенцию: он провоци-

рует переход ее в оппозицию к правящему режиму (Россия в первую чеченскую войну) или к столкновению с ним (израильские ультралевые) вплоть до действий, способствующих его самоликвидации (Израиль, ЮАР).

18. Возможность физического уничтожения большой массы собственного населения не только не является сдерживающим фактором для руководства экстремистских формирований исламистского толка, но и может провоцироваться им в тактических целях (пропагандистских, или как предлог для ввода в зону конфликта иностранных вооруженных формирований, когда прямое военное противостояние с правительственными войсками проигрывается).

19. Политический исламизм на современном этапе является ударным отрядом «нового варварства», в его борьбе против «старой цивилизации». Похоже, что именно глобальный конфликт с ним и его союзниками станет определяющим в том, пойдут ли процессы взаимодействия экономически развитого индустриального и постиндустриального Севера (условного, ибо он включает Россию, Китай, ряд стран Латинской Америки и ЮВА) с ресурсопоставляющим развивающимся Югом (также условным, ибо в первую очередь речь идет о странах Африки, Ближнего и Среднего Востока) по пути кооперации или нарастающего противостояния.

20. Наиболее значимыми для сегодняшней России фронтами этой не объявленной де-юре, но идущей де-факто войны в ее «горячей» фазе являются: Чечня, граница Афганистана с постсоветскими республиками Средней Азии, Югославия (Косово) и израильско-палестинский узел.

21. Израиль на современном этапе становится основным фронтом «горячего» противостояния с экстремизмом и ис-

ламистским терроризмом. Именно на израильском направлении концентрируются сегодня самые значительные человеческие, военно-технические, финансовые и пропагандистские ресурсы, находящиеся в распоряжении «Зеленого интернационала» и его союзников, в том числе и перебрасываемые из других «горячих точек».

22. В своей борьбе с Израилем, сориентированной на конечную цель (полная победа с возможным уничтожением Израиля), палестинцы и их союзники, в частности исламистские группировки, используют любые средства, оправдывая это неравным соотношением сил. Израиль же вынужденно ограничен в ответных мерах и вследствие давления мирового сообщества, и по внутривнутриполитическим причинам. В результате Израиль на современном этапе проигрывает это противостояние, не находя адекватного ответа на действия своих противников. Военная система государства не приспособлена к ведению антидиверсионной войны на собственной территории, в ходе которой основные слагающие ее компоненты не могут быть задействованы. Это демонстрируется не только ходом и результатами «мирного процесса» 90-х годов, но и итогами «интифады Аль-Акса». В итоге в краткосрочной перспективе велика опасность масштабной региональной войны, ставящей под угрозу все миротворческие усилия США и Израиля и результативность территориальных уступок последнего «в обмен на мир», в том числе на египетском и иорданском направлениях. В долгосрочной – под вопросом само существование Израиля как государства (вариант не столь уж фантастический, если вспомнить судьбу Родезии, ЮАР, Югославии и СССР).

7. ИЗРАИЛЬ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

ООН

Позиции Израиля в Организации Объединенных Наций традиционно слабы и никаких тенденций к их усилению в ближайшем будущем не предвидится. Опорой Израиля в стенах ООН служат США, и любое охлаждение американо-израильских отношений может сказаться на возможности принятия резолюций или санкций антиизраильского характера самым серьезным образом. Россия и другие постсоветские республики из лагеря противников Израиля в ООН перешли в лагерь умеренных государств, поддерживающих баланс отношений и с Израилем, и со странами исламского мира. С другой стороны, страны Западной Европы, не связанные более воедино анти-советской направленностью внешней политики, как это было в относительно недавнем прошлом, критикуют Израиль все активнее (особенно Франция), сближаясь с его противниками, в частности, по вопросу ввода в Палестину международного миротворческого контингента. Позиция России, которая выступала против действий такого рода в Югославии и категорически не приемлет их возможность в Чечне, в этом вопросе значительно ближе к израильской, чем к европейской.

Следует отметить, что структура ООН, отражающая расстановку сил по окончании Второй мировой войны и в период конфронтации двух мировых идеологических систем, значительно устарела и становится все более неэффективной. Не случайно ООН все более подменяется в тех сферах мировой

политики, где требуются реальные действия, экономическими, военными и дипломатическими структурами других организаций (например, НАТО) или даже отдельных стран. Это же касается резолюций ООН по ближневосточному конфликту, отставших от жизни на несколько десятилетий (до полувека включительно). Представляется весьма сомнительным, что эти резолюции могут служить установлению реального, а не ритуального мира на Ближнем Востоке, тем более в отсутствие прежней советско-американской системы сдержек и противовесов.

Легитимность и стабильность государственных границ на современном этапе зависит более от внутривосточных процессов и наличия двусторонних взаимоприемлемых межгосударственных договоренностей по конфликтным вопросам, а не от многосторонних международных договоров и соглашений, на каком бы уровне они ни заключались. Примером тому служит начавшееся в 90-е годы и не закончившееся до сих пор «перекраивание» границ на колоссальном пространстве Евразии, занятом Германией, Югославией и Советским Союзом, вопреки всем и всяческим международным договорам, включая Хельсинкское соглашение, а также распад СЭВ, Варшавского договора и самого СССР. Таким образом, лишь реальные политические процессы, которые произойдут в ближайшее время в регионе Ближнего Востока, покажут, стоят ли в начале XXI века резолюции слабеющей и бюрократизированной ООН, принятые в веке XX, дороже, чем бумага, на которой они написаны.

НАТО

Усиление Северо-атлантического альянса и расширение зоны его влияния с распадом СССР вовлекло Ближний Восток в сферу интересов НАТО. Активная роль, сыгранная блоком в операциях против Ирака (при абсолютном доминировании

США) и локальных конфликтах в ходе распада Югославии, а также сеть инициатив (совместных маневров, унификации вооружений и пр.), связавших его военную инфраструктуру с системами обороны умеренных стран ближневосточного Средиземноморья и акватории Персидского залива, дают основания предположить, что НАТО не останется в стороне от масштабного регионального военного конфликта в непосредственной близости от ключевых путей транспортировки нефти и грузопассажирских трасс в случае, если такой конфликт будет иметь место, особенно, если он затянется на сколь бы то ни было продолжительный срок. Это тем более вероятно в условиях отсутствия сдерживающего влияния на прямое участие НАТО в локальных региональных войнах, которое оказывал СССР. В то же время представляется маловероятным участие блока в палестино-израильском противостоянии в качестве миротворческой силы, если это не будет предварительно согласовано с Израилем и США. Возможность выступления войск блока на стороне арабов против Израиля, как представляется, исключена.

Евросоюз и ЕЭС

Степень политической, экономической и академической интеграции Израиля в западноевропейское пространство чрезвычайно велика, хотя традиционный многомиллиардный дефицит в торговле с Европой не только не покрывается профицитом в торговле с другими регионами мира, но и служит основным источником отрицательной составляющей израильского торгового баланса. В то же время отношения Израиля с государствами Западной Европы отягощены множеством двусторонних и многосторонних противоречий, в полной мере проявляющихся с усилением международных

позиций палестинцев. «Интифада Аль-Акса» спровоцировала в странах Западной Европы волну антиизраильских и антисемитских выступлений такого масштаба, которого Европа не знала со времен Второй мировой войны. Антиизраильские позиции заняли не только местные экстремисты националистического толка и иммигранты из стран исламского мира (в первую очередь – арабы), но и либеральная интеллигенция, а также большинство европейских политиков, принадлежащих к умеренному лагерю.

Можно предположить дальнейшее ослабление политической позиции Израиля в государствах ЕС, хотя его позиции в ЕЭС достаточно прочны. Палестинцы, в принципе, могут конкурировать с израильянами на европейском рынке в поставках продукции сельского хозяйства и цветов (хотя для них предпочтительнее кооперироваться с Израилем, используя наработанную последним инфраструктуру, иначе они, как и израильяне за несколько десятилетий до этого, вступят в данной области в жесткую конкуренцию с производителями из стран Южной Европы), а возможно – одежды и обуви (конкурируя с предприятиями не столько Израиля, сколько Испании и Италии), однако их экономическая активность никак не может затронуть рынки алмазов, вооружений или наукоемкой продукции промышленности высоких технологий, составляющих основу израильского экспорта в Западную Европу.

8. ВЛИЯНИЕ ОСОБЫХ ФАКТОРОВ

Израиль и еврейская диаспора

Значительную составляющую в отношениях Государства Израиль с внешним миром играли и играют отношения с еврейской диаспорой. Именно диаспора в качестве своеобразной квазиметрополии сформировала Израиль и всемерно способствовала его укреплению. Именно диаспора в борьбе за продление собственного существования оспаривала право Израиля на восстановление в виде современного государства с первых, самых предварительных шагов по его созданию, а иногда и выступала против него. Отношения диаспоры и Израиля крайне сложны, противоречивы и мифологизированы, хотя и поддаются историческому анализу. Представляется оправданным в рамках настоящей работы не рассматривать весь комплекс проблем по оси Израиль-диаспора, а сосредоточиться на текущем состоянии диаспоры, ее отношениях с Израилем на современном этапе и тенденциях их развития.

Основными блоками мировой еврейской диаспоры в начале XXI века являются: североамериканский, латиноамериканский, паневропейский (с четким делением на западно- и восточноевропейский подблоки и примыкающими по типу к западноевропейскому подблоку общинами Марокко, Турции, тихоокеанского региона и ЮАР) и «постсоветский». Особняком стоят небольшие еврейские общины стран исламского мира и Эфиопии, находящиеся под перманентной политической или физической угрозой, вопрос безопасности которых

является объектом повышенного внимания со стороны всего прочего еврейского мира, включая и Государство Израиль.

Североамериканская диаспора (при абсолютном внутреннем доминировании общины США над тесно связанной с ней канадской) – наиболее организована, финансово состоятельна и политически (на мировом уровне) влиятельна. Именно североамериканское еврейство доминирует во всех сколь бы то ни было значимых международных еврейских организациях и фондах, включая и такие, как ВЕК или ВСО. В израильскую политику оно, до самого последнего времени, было вовлечено исключительно в качестве «финансово-политического тыла» Израиля, не высказывающего собственного мнения ни по каким вопросам, относящимся к исключительной компетенции израильских политиков, находящихся на общееврейском «фронте». Соглашение об этом, заключенное лидерами послевоенной общины США и первым израильским премьер-министром Давидом Бен-Гурионом, являлось «священной коровой» для руководства североамериканской диаспоры на протяжении нескольких десятилетий, однако в 90-е годы расхождения между ним и руководством Израиля проявились открыто. Ситуация эта была спровоцирована рядом израильских политиков в эйфории от хода «мирного процесса» и под воздействием распространившейся среди части израильской «золотой молодежи» концепции «постсионизма», провозгласившей ненужность диаспоры для Израиля. Североамериканская еврейская диаспора оказалась главным объектом внешней активности в еврейском мире палестинского руководства, сумевшего сформировать в ее среде достаточно устойчивое палестинское лобби, хотя «интифада Аль-Акса» и внесла в эту ситуацию существенные (и неоднозначные) коррективы.

Латиноамериканская диаспора, объединяемая цивилизационной общностью самих стран, в которых она существует, пользуется немалым влиянием на национальном уровне и достаточно активно участвует в финансировании программ и проектов в Израиле, хотя до сих пор рассматривается там в первую очередь как источник потенциальной иммиграции. Специфическими являются отношения еврейских общин Латинской Америки с местными властями. С одной стороны, евреи вхожи в политическую элиту и крупный бизнес, составляют значительную часть среднего класса, хотя их немало и в «низах» общества, особенно в таких странах, как Бразилия и Аргентина. С другой, они, как и везде, формируют костяк либеральной интеллигенции, периодически вступающей в конфликт с правящими режимами (особенно военными) и подвергающейся за это репрессиям, сказывающимся на положении общин в целом.

Паневропейская диаспора (с примыкающими к этому блоку общинами указанных выше стран близкого типа), как и латиноамериканская, обладает (за исключением общин стран восточноевропейского подблока, Марокко и Турции) значительным политическим влиянием в национальных границах (хотя в период становления государства Израиль общины Великобритании, Франции и, отчасти, Германии оказывали воздействие на политические процессы на мировом уровне). Высокий уровень их отношений с властями обусловлен в первую очередь памятью о Холокосте. Общины структурированы значительно слабее, чем американские, и уровень сбора средств в них (в том числе на собственные нужды) намного меньше. Хотя определенные усилия для координации на общеевропейском уровне и производятся, результаты их пока сомнительны. Особняком стоит община

Германии, крайне влиятельная (за счет эксплуатации ее лидерами трагедии Холокоста), состоятельная (исключительно благодаря помощи немецкого государства), растущая и «русифицирующаяся» за счет притока иммигрантов из республик бывшего СССР (напрямую в 90-е годы и, в меньшей степени, через Израиль, начиная с 70-х годов).

Отношения местных властей с общинами Марокко, Турции и стран Восточной Европы связаны главным образом с их политикой, направленной на экономическую и политическую интеграцию в мировое сообщество, в немалой степени зависящей от уровня демонстрируемого ими внутригосударственного плюрализма по отношению к национальным и религиозным меньшинствам, в первую очередь евреям. При этом структуры общин стран Восточной Европы сформированы под влиянием и в значительной мере на средства общин США, Западной Европы и Израиля. Соответственно, они расцениваются израильскими политиками (с умеренным оптимизмом) в основном как возможный источник потенциальной алии, в то время как отношения с общинами прочих стран этого блока (включая общины Марокко, Турции и ЮАР, алия из которых также возможна), лежат в области обеспечения экономического и политического сотрудничества, а также финансирования некоторыми из них программ в Израиле.

Особняком стоит «постсоветское» (или «русское») еврейство, включая общины стран Прибалтики. Общность истории (особенно современной), культуры, языка и ментальности подавляющего большинства входящих в него общин заставляет говорить о нем, как о едином субэтнотипе (с выделением грузинской, горской и бухарской общин в отдельные подгруппы). С одной стороны, эта часть диаспоры всегда рассматривалась Израилем как потенциальный источник алии, причем с

конца 60-х годов и по сей день она действительно являлась и является таковым. С другой стороны, десятилетие, прошедшее после распада Советского Союза, убедительно показало беспочвенность надежд сионистов-идеалистов на то, что создание Государства Израиль положит конец еврейской диаспоре: жизнеспособные общины возникли практически во всех республиках бывшего СССР. Особняком среди этих общин по уровню организации, финансовой состоятельности, международных связей, влияния и претензий стоит российская – единственная, потенциально способная составить конкуренцию американской. Практически все постсоветские общины связаны с Израилем на уровне семей благодаря алии 90-х годов, высок уровень их связей с США, Германией и (в меньшей степени) Австралией – основными, помимо Израиля, странами массовой эмиграции советских евреев.

Помимо «русской», общеинтеграционную роль в еврейском мире играет и израильская составляющая. Процесс йериды – эмиграции евреев из Израиля – привел к тому, что несколько сотен тысяч израильтян живут в США, Австралии, странах Западной Европы и других государствах (включая и республики бывшего СССР). Как правило, они организуют в странах проживания собственные сообщества с различным уровнем внутренней консолидации (часто в зависимости от субэтнического израильского происхождения) и интеграции в национальные общины. Наличие израильского компонента (в том числе за счет поддерживаемых общественными организациями и израильскими ведомствами программ по связи диаспоры и Израиля) значительно сплачивает современный еврейский мир и сближает его с Государством Израиль.

Можно констатировать, таким образом, что к началу XXI века вопрос о соотношении еврейского государства и еврей-

ской диаспоры потерял свою былую остроту и пришел к «золотой середине». Лозунги «только Израиль – никакой диаспоры» крайних сионистов и «только диаспора – никакого Израиля» крайних автономистов потеряли шансы на будущее, как и призыв «ждать прихода Машиаха – никакого светского Израиля» ультраортодоксов. Диаспора и Израиль оказались, как и тысячелетия назад, взаимозависимыми и взаимовлияющими. Как Израиль на сегодняшнем этапе своего развития крайне заинтересован в полномасштабных отношениях с диаспорой (что бы ни утверждали идеологи «постсионизма»), так и нормальное существование современной еврейской диаспоры немислимо без учета фактора существования Государства Израиль. Разумеется, каждая из сторон добивается в этой системе отношений учета в первую очередь собственных приоритетов. Это тем более сложно, ибо нет ни единой диаспоры, ни единого (за исключением периодов прямой военной угрозы) Израиля. Тем не менее, фактор диаспоры влияет на отношения Государства Израиль с США, Россией, Германией или Ираном в неменьшей степени, чем непосредственные экономические или политические интересы, придавая израильской внешней политике особую специфику и, как представляется, значительно укрепляя его позиции в мире в целом.

Внешнеэкономические интересы Израиля и израильтян и внешняя политика государства – совпадения и противоречия

До начала 90-х годов фактор личных интересов представителей израильского экономического истеблишмента слабо влиял на положение государства. Практически единственным крупным по мировым стандартам израильским

предпринимателем, чья деятельность сказывалась на отношениях государства с внешним миром, был Шауль Айзенберг, человек, экономические отношения которого с его собственной страной регулировались «законом Айзенберга». Его «степень свободы» по отношению к Государству Израиль была наибольшей, хотя и имела свои пределы. Все прочие крупнейшие израильские «капитаны бизнеса», чьи интересы зависели от состояния дел в той или иной стране, не только были формально связаны с государством, но и фактически их интересы подчинялись его интересам. Это касалось не только государственной или профсоюзной – «гистадрутовской», но и частной экономики. Примером влияния государства на частный бизнес в Израиле того периода может служить клан Реканати – владельцев банка «Дисконт» и связанной с ним промышленно-финансовой группы.

В течение последнего десятилетия XX века ситуация в корне изменилась. Израильская экономика настолько окрепла, и степень ее интеграции в мировую экономику настолько возросла, что появилась целая когорта израильских бизнесменов мирового класса, чьи интересы связаны не только и не столько с Израилем. Более того, некоторые из них начали серьезно влиять на внутреннюю израильскую политику, добиваясь получения личных и клановых преимуществ. В стране, где «рынок» экономической и политической власти был изначально поделен, начала формироваться новая олигархия, черпающая финансовые ресурсы извне, иногда ориентирующаяся на те или иные группы традиционного истеблишмента, но зачастую не связанная с ним или пытающаяся поставить его себе на службу.

Приватизация и активная политика в области привлечения инвестиций, в том числе в таких, еще недавно закрытых для

иностранцев областях, как ВПК, СМИ и банковская сфера, придали этому процессу дополнительную динамику. В качестве примеров транснациональной активности израильских компаний можно привести деятельность компаний «Элит», «Исраэль эйркрафт», создание Гидеоном Бикелем мировой системы продажи цветов, экспансию братьев Черных в российскую металлургию (в первую очередь в производство алюминия), а Льва Леваева (Левиева) – на российский и ангольский рынки алмазов. Встречные процессы олицетворялись приходом Владимира Гусинского в сферу израильских СМИ и американских инвесторов – в ВПК и финансовую сферу страны.

Интернационализация израильской хозяйственной системы повышала и повышает ее конкурентоспособность и устойчивость, способствует отбраковке неэффективных элементов хозяйственного механизма и укреплению связей с целым рядом зарубежных стран, в том числе и тех, отношения с которыми у Израиля до самого последнего времени отсутствовали. В то же время процесс этот, при всей его объективности, имеет для будущего Израиля не только позитивный эффект. С тем, что политика Израиля становится чувствительнее по отношению к внешним инвесторам и партнерам (США, странам Западной Европы, России), примириться тем проще, что процесс этот обоюден: страны эти тем самым становятся реальными гарантами будущего Израиля, причем интерес их к стабилизации этого будущего опирается не на эфемерные моральные или преходящие идеологические и военно-политические приоритеты, а на конкретную, в том числе и персонифицированную, выгоду от реализации совместных проектов или участия в развитии израильской экономики. Гораздо щекотливее ситуации, при которых сама деятельность израильского предпринимателя

или возглавляемой им компании наносит серьезный урон интересам той или иной страны, провоцируя ответные действия по отношению к Государству Израиль. Еще сложнее случаи, когда заработанные за пределами Израиля средства не просто вливаются в израильские финансовые потоки, но направляются на дестабилизацию политического баланса страны. Когда речь идет о миллиардах долларов, возможности таких бизнесменов сопоставимы с возможностями всей израильской партийно-политической системы.

Примером последнего служит деловая карьера Льва Леваева (Левиева). Первичный капитал, заработанный в России в начале 90-х годов, в период распада экономики бывшего СССР и перехода ее на новые отношения (как полагают российские СМИ – с немалым уроном для отечественной системы алмазодобывающей и гранительной промышленности, не говоря уже об отношениях с крупнейшим партнером СССР и России – корпорацией «Де-Бирс»), позволил ему стать фактическим владельцем крупнейшего израильского строительного концерна «Африка-Израэль». Сложная финансово-политическая комбинация, в результате которой он поставил под свой контроль алмазные залежи Анголы, вытеснив из этого бизнеса Россию, увеличила российские потери на порядок, фактически обесценив российскую деятельность на этом направлении, проводившуюся в течение нескольких десятилетий. Инвестировав же значительную часть средств в усиление израильской традиционалистской теократии восточного типа и попытавшись поставить под контроль хасидской ортодоксии еврейскую общину СНГ, он объединил против себя не только «старый истеблишмент» Израиля, но и лидеров еврейских общин республик бывшего СССР, и значительную часть предпринимателей и государ-

ственного аппарата этих стран. В то же время в процессе его финансово-религиозных комбинаций по укреплению возглавляемой им де-факто хасидско-бухарской общины, своеобразных «еврейских ваххабитов», на американском, израильском и постсоветском общественно-политическом поле, руководство администрации президента РФ было втянуто в конфликт с Российским еврейским конгрессом, имевший самый неблагоприятный резонанс на международной арене. Можно лишь предполагать, как скажется в конечном итоге эта в целом деструктивная финансово-политическая комбинация на российско-израильских отношениях, однако ясно, что она отражается на них не менее серьезно, чем любой из таких значимых факторов, как ирано-израильско-российский военно-политический узел или совместные интересы обоих государств в борьбе с исламистским терроризмом.

Внутренний кризис израильской общественно-политической жизни

Отношения Государства Израиль с внешним миром в огромной степени зависят от состояния внутренней общественно-политической жизни в стране. Как известно по опыту СССР, внутренний кризис общества может расшатать устои государства значительно сильнее, чем внешнее давление на него, зачастую оказывающее спланированное воздействие. Как представляется, Израиль переживает один из самых сложных периодов своей истории, причем не столько из-за усиления внешней угрозы или экономических проблем, сколько вследствие того, что вышли наружу и требуют разрешения загнанные «в подполье» на протяжении десятилетий проблемы, изначально заложенные во внутреннем устройстве государства, проблемы, традиционно оставлявшиеся всеми израильскими

политиками, не рискуя взять на себя ответственность их решения, на суд «будущих поколений».

Атомизация и маргинализация политической жизни

В 70-х годах в многопартийном Израиле окончилась эпоха абсолютного доминирования во всех сферах левосоциалистического истеблишмента, и начался период конкуренции двух крупных политических блоков. С середины же 90-х годов страна перешла в неустойчивое поле «атомизации» политического истеблишмента. Наличие многочисленных и зачастую эфемерных фракций и малых партий всегда было отличительной чертой израильской политической сцены, возможно, наиболее полно соответствующей национальному характеру и традициям. В то же время в течение всей предшествующей истории страны они группировались вокруг одного или двух «центров силы», что позволяло руководству Израиля формировать достаточно устойчивые правительственные коалиции и проводить в жизнь относительно последовательный курс в сфере управления государством. Ситуация принципиально изменилась в 90-е годы, с введением прямых выборов премьер-министра: политическая карта Израиля стала предельно мозаичной, значение при голосовании в парламенте по вопросам, затрагивающим принципиальные для существования страны ситуации, приобрели не только партии или партийные фракции (до 2 голосов), но и голоса каждого из депутатов.

Политические амбиции отдельных партийных лидеров, легитимизированные итогами выборов, всегда сказывались на будущем Израиля, однако никогда прежде лидеров этих не было так много, возможности их реализовывать свои амбиции на практике – так велики, интересы – настолько противоречи-

вы, а гражданская ответственность - так мала, как к началу XXI века. При этом большинство этих лидеров в борьбе за власть опиралось далеко не только на внутривнутриполитические механизмы. Многие из них имели и имеют возможность апеллировать к международной аудитории и использовать ее в качестве средства давления на политических конкурентов и Израиль в целом, чтобы добиться стратегического – по ключевым, либо тактического – по частным вопросам – преимущества. Опираются они при этом на иностранных политиков, руководство международных организаций, либо общественное мнение, мобилизуемое через средства массовой информации. Наиболее эффективными лоббистскими группами на международной арене к концу 90-х годов являлись: ультралевые (партия МЕРЕК) и партии израильских арабов (а также примыкающий к ним палестинский истеблишмент – во многом субъект левого лагеря израильской внутренней политики), левый центр (Партия Труда), правый центр (блок Ликуд), национально-религиозный лагерь (в первую очередь «поселенцы») и «русские». Восточные традиционалисты (партия ШАС) и ультраортодоксы влияния на внешнюю политику до самого последнего времени не имели, что не уменьшало их роли в политике внутренней.

Приоритеты политической жизни Израиля на рубеже XX и XXI веков от проблем национального значения сместились в сферу дележа государственного и муниципальных бюджетов, «выбивания» и распределения льгот для самих политиков и отдельных электоральных групп их «поддержки». Для обеспечения сиюминутное выживание на политической сцене того или иного лидера и возглавляемого им правительства, в ход идут: судебные преследования конкурентов, черный PR, оглашение компрометирующих материалов на представителей оппонентов, включая первых лиц страны, коалиционные

соглашения, внекоалиционная поддержка, частичная поддержка по тем или иным вопросам, вотумы недоверия (общие или по частным вопросам) и прочие элементы политического торга, а то и прямое финансовое или информационное давление, которые ставят целью выигрыш дополнительного срока нахождения у власти в течение месяца или... недели. Огромное значение при этом в израильской политике приобрел личностный фактор, включая воздействие на ключевые вопросы телекомментаторов, религиозных авторитетов и прочих известных в стране и за ее пределами «лиц».

Кризис национальных институтов

Чрезвычайно опасным является для современного Израиля общий кризис национальных институтов, на которых основана вся государственная система. Кризис этот зашел достаточно далеко, чтобы подорвать доверие общества к самим основам ее, тем более, что беспрецедентная открытость «внутренней кухни» израильской политической жизни для глаз избирателей благодаря разрушению системы партийного контроля над израильскими СМИ препятствует традиционному решению конфликтных вопросов «в кулуарах».

Традиционно нейтральной, стоящей «над схваткой» фигурой израильской политической жизни был до последнего времени *президент* страны, сама деятельность которого должна символизировать единство нации. Этот нейтралитет был нарушен Эзером Вейцманом, открыто вмешавшимся в политическую борьбу в Израиле, спровоцированную ходом «мирного процесса». Его досрочная отставка вследствие вскрывшихся фактов масштабных нарушений законодательства в финансово-политической сфере, к которым он был лично причастен, стала для него единственным выходом из

сложившегося положения. Сменивший его на посту Моше Кацав продекларировал свое стремление представлять весь народ, а не какую-либо из его частей, однако он сам подчеркивает «трояственность» позиции, поневоле занимаемой им в вопросе палестино-израильского урегулирования: человеческая, политическая и «президентская» ее составляющие находятся в противоречии. В какой мере ему удастся остаться в стороне от внутренних противоречий, раздирающих страну, по мере усиления давления со стороны палестинцев, вызывает большие сомнения. Институт президентства, таким образом, не восстановил в глазах израильтян главную ценностную составляющую, потерянную в последние годы: статус нейтрального арбитра.

Прямые выборы *премьер-министра* в Израиле, которые, по мысли их организаторов, должны были упрочить независимость главы государства от политической конъюнктуры и внутрипартийного давления, повысив эффективность управления страной, привели к прямо противоположным результатам. «Чехарда» в смене премьер-министров Израиля в 90-е годы являлась свидетельством тому. *Практикой* стала досрочная отставка премьер-министра, причем срок пребывания у власти каждого из них все более сокращался, а число внутривнутриполитических конфликтов за годы правления – все более увеличивалось. Противоречивость предвыборных обещаний и реальных дел, хаотичность курса (представителей левого и правого лагерей в равной мере), неустойчивость правящих коалиций лишила израильтян уверенности в том, что премьер-министры страны являются *профессиональными* и *последовательными* политиками.

Правительство Израиля в условиях шаткости правящих коалиций и повышенной самостоятельности премьер-

министров превратилось из института управления страной в институт реализации лоббистских усилий партий, фракций и политических кланов. Заметна тенденция к *депрофессионализации* министров и замыканию все большей полноты власти (включая министерские функции) на *самом* премьер-министре, а также исключению правительственных министров из процесса принятия решений, если они могут осложнить проведение премьер-министром *собственного* курса. Тенденция эта проявилась в полной мере в годы премьерства Беньямина Нетаньягу и значительно усилилась при Эхуде Бараке, знаменуя эволюцию к *авторитаризации* исполнительной власти в Израиле.

Парламент Израиля (Кнессет), как и всякий парламент, являлся основным объектом внимания политических карикатуристов страны на протяжении десятилетий. Следует отметить, что усиление секторальных партий в условиях атомизации израильской политической жизни привело к ситуации, когда за право представлять израильтян в верховном законодательном органе страны в конце 90-х годов повели борьбу такие одиозные объединения, как «партия Пнины Розенблюм» или «партия казино». Доведение практики израильской демократии до степени, граничащей с анархией, привело к профанации всей системы.

Государственный контролер Израиля до самого последнего времени являлся тем самым «неподкупным оком» системы, которое должно было искоренять ее «отдельные недостатки». Вовлеченность Мирьям Бен-Порат, занимавшей этот пост в 1988–1998 годах, в конфликты израильской политической жизни, использование ею всей полноты власти в целях, далеких от официально декларируемых, некомпетентность и открытый политический активизм заставили СМИ Израиля открыто

поставить вопрос: «Кто контролирует государственного контролера?». Вопрос этот и поныне остается без ответа.

Члены *Верховного суда* (БАГАЦ), *государственный прокурор* и стоящий выше него по иерархии (!) *юридический советник правительства* также не являются более в Израиле «персонами вне подозрений». При этом, если ряд решений, принятых в 90-е годы Верховным судом, лежал вне пределов его компетенции (т.е. он вторгнулся в пределы исполнительной и законодательной властей), то инвективы в адрес государственного прокурора и юридического советника правительства носят характер прямых обвинений в подчинении должностных интересов политической конъюнктуре.

Армия и спецслужбы Израиля в течение десятилетий находились вне поля критики со стороны общественности. Противоречивая оценка израильским обществом итогов войны в Ливане в начале 80-х годов и вовлеченность политиков в процесс обсуждения мер, принимаемых армией и спецслужбами в текущем режиме в таких областях, как противостояние с противниками Израиля в Ливане, борьба с терроризмом или палестинской интифадой, привели к тому, что, под предлогом контроля над силовыми ведомствами, их деятельность во многом была парализована. Реальные просчеты в деятельности армейского руководства, просочившаяся в прессу информация о коррупции в среде генералитета вплоть до вовлеченности отдельных его представителей в систему торговли наркотиками и контрабанду, распространение в армии «неуставных взаимоотношений» военнослужащих (списываемых израильянами на «русских»), участвовавшие провалы агентов спецслужб и взаимное сведение счетов в среде их руководства (с использованием «утечки информации» в израильские и иностранные СМИ, а также

институтов государственного контроля и партийно-политического лоббирования) способствовали значительному снижению их авторитета.

Раввинат Израиля предельно политизирован, и его значение в качестве хранителя национальных морально-этических ценностей, в отличие от западной диаспоры, минимально. С деятельностью представителей раввината связаны многочисленные скандалы, а их участие в забастовках, правомочное с точки зрения государственных чиновников, которыми они, по сути, являются, в корне противоречит основам еврейской традиции. Следует отметить и усиление агрессивности позиции израильского раввината, занимаемой им не только по отношению к «негалахическим», с его точки зрения, израильтянам (в первую очередь «русским», а также части эфиопских евреев), но и к представителям неортодоксальных деноминаций иудаизма, которая из сферы религиозно-политического лоббирования перешла в сферу прямой конфронтации, включая *поджоги* консервативных и реформистских синагог в Израиле ортодоксами.

Сомнительная роль, которую руководство израильских *профсоюзов* (в первую очередь Гистадрута) играло и играет в ходе приватизации, открытое лоббирование им экономически нерентабельных предприятий и объединений, нецелевое расходование многомиллиардных средств и финансовые скандалы, связанные с израильской профсоюзной системой, включая ее вовлеченность (в нарушение действующего законодательства) в предвыборную борьбу, подводит черту под *общим кризисом* национальных институтов Израиля на рубеже XX и XXI веков. В стране не существует *ни одного* национального института, деятельность которого не была бы раскритикована самым жестоким образом (в значительной

мере справедливо). Основные институты Государства Израиль, призванные играть консолидирующую общество роль, на современном этапе *не выполняют* своих функций.

Усиление внутреннего противостояния

Традицией израильского политического истеблишмента на протяжении десятилетий был так называемый «консенсус» по основным вопросам жизни страны. Основан он был на системе сдержек и противовесов, позволявшей сохранять в положении более или менее устойчивого равновесия структуру общества. Позиция большинства израильских политиков и возглавляемых ими партий была близка или совпадала по ключевым вопросам государственной политики, включавшим отношения с внешним миром, арабами в целом и палестинцами, в частности, борьбу с терроризмом, поддержание системы обороны страны, политику в области алии и абсорбции (приема и обустройства иммигрантов) и пр. В немалой степени консенсус этот поддерживался «синдромом осажденной крепости» вследствие ощущения постоянной военной угрозы со стороны соседей. Война в Ливане, экономический кризис начала 80-х годов и активизация ортодоксального лагеря нанесли ему серьезный удар. 90-е же годы окончательно похоронили внутренний консенсус в его традиционном для Израиля восприятии.

Для получения преимуществ в политической (включая бюрократическую инфраструктуру власти), бюджетной, религиозно-идеологической, финансово-экономической сферах для собственной партии, фракции, политического клана, субэтнической или субконфессиональной группы израильские политики нового поколения, не колеблясь, действуют вразрез с интересами не только своих политических против-

ников, но и союзников, и государства в целом, нарушая любые обязательства, как внутренние, так и внешние, вступая в любые блоки и альянсы. Общим местом стало их полномасштабное сотрудничество в текущем режиме не только с недоброжелательно настроенными по отношению к Израилю иностранными политиками и общественными деятелями, но и с открытыми противниками Государства Израиль, не слишком скрывающими приверженность идее его уничтожения (это касается в первую очередь израильских арабов, ультралевых и еврейской ортодоксии). При этом ни в какие времена не занимавшая слишком много места в израильской политической практике толерантность по отношению к политическим противникам, сдержанность в методах и умение вовремя остановиться, характерные для западных демократий, исчезли окончательно. Практикой (во всех основных группах израильского политического истеблишмента) стала декларация необходимости борьбы с оппонентами «на уничтожение». Основными внутренними «линиями разлома» израильского общества стали: борьба левого лагеря (поддерживаемого израильскими арабами) и «поселенцев», а также противостояние еврейской ультраортодоксии (использующей политическое усиление восточных традиционалистов за счет правого центра) и светского большинства.

Левые против правых и проблема «поселенцев»

Следует отметить, что политическое убийство израильского премьер-министра Ицхака Рабина в 1994 году и развязанная вслед за этим израильскими СМИ и левым лагерем «охота на ведьм» стали лишь очередным этапом в необъявленной, но от этого не менее реальной гражданской войне в Израиле.

Первые выстрелы ее (убийство Арлазорова, расстрел «Альталены») прозвучали в догосударственный период, причем по иронии судьбы именно будущий премьер-министр Израиля Ицхак Рабин в разгар Войны за независимость командовал уничтожением корабля, на борту которого среди еврейских добровольцев из лагеря, политически враждебного левым социалистам (доминировавшим в то время в палестинском ишуве), присутствовал будущий премьер-министр Израиля Менахем Бегин. До самого последнего времени это была холодная война, не переходящая в «горячую» фазу даже в столь острые периоды политических кризисов, как эвакуация израильтян из Ямита и других поселений на Синайском полуострове после заключения мира с Египтом. Радикализация израильской политической жизни в 90-е годы, поляризация общества, неотложность глобальных проблем, стоящих перед обществом и государством, явная неспособность израильского истеблишмента предложить сколь бы то ни было приемлемое их решение, дилетантизм, проявляемый представителями истеблишмента, занимающими самые ответственные посты, вплоть до высшего руководства страны, заставляют предположить возможность выхода внутриполитической ситуации из-под контроля с тем большей вероятностью, что в отсутствие партийной цензуры ситуация эта широко освещается СМИ Израиля.

«Интифада Аль-Акса» провоцирует попытки решения возникших проблем силовыми методами не только на государственном уровне, но и на уровне общественно-политических движений. Учитывая степень насыщенности Израиля оружием, это отнюдь не представляется невозможным в случае, если достаточно крупные группы общества (в первую очередь жители поселений) убедятся, что они «выведены за рамки» госу-

дарственной политики, государством более не защищены и могут рассчитывать только на собственные силы, или, тем более, государство выступает против них (что представители ультралевого лагеря и делают открыто, используя позиции, занимаемые ими в правительстве и парламенте). С точки зрения значительного и политически чрезвычайно активного поселенческого движения – это будет означать не только нарушение полученного руководством страны кредита доверия, но и отказ от обязательств, выдававшихся поселенцам истеблишментом (принадлежавшим как к левому, так и к правому лагерю) в течение нескольких десятилетий. Официальному Израилю удалось в течение осени 2000 года заблокировать вспыхивавшие очаги прямых арабо-израильских столкновений на собственной территории на уровне «улицы», применяя одинаково жесткие меры пресечения по отношению к обеим сторонам. Это не касается, однако, конфликта с палестинцами на территориях, ситуация на которых к концу 2000 года мало-помалу вышла из-под контроля, вплоть до возможности эффективной блокады палестинцами поселений, с одной стороны, и самостоятельных действий последних по обеспечению своей безопасности (в том числе против арабских населенных пунктов), с другой. Можно с большой степенью уверенности предположить, что попытке решить проблему противостояния израильтян и палестинцев за счет силовых действий по отношению к поселенцам с применением армии, последними будет (в отличие от ситуации на Синае конца 70-х годов) оказано сопротивление. Эффективность его и уровень непредсказуемы, однако разрушительность воздействия такого конфликта на самые основы израильского общества будет гораздо сильнее, чем любое противостояние израильтян с палестинцами или иным внешним противником.

Поучительная история конфликта израильских левых и израильских правых восходит к отношениям Бен-Гуриона и Жаботинского и отличается редкостной непримиримостью, сглаживавшейся до последнего времени только в моменты прямой военной угрозы. Судя по процессам, идущим во внутривнутриполитической жизни Израиля в ходе «интифады Аль-Акса», сегодня эта возможность достижения национального консенсуса полностью утрачена страной. Некоторой иллюстрацией к политическому климату Израиля в начале XXI века служат израильские публикации, посвященные расследованию обстоятельств гибели Ицхака Рабина, которые не только анализируют сомнительную роль спецслужб в этом деле, но и проводят открытые параллели между этим политическим убийством и смертью соперника Сталина – Кирова – в СССР 30-х годов, намекая на то, что единственным политиком, кому была выгодна смерть Рабина, являлся Шимон Перес, соратник и ревнивый соперник покойного премьера и по партии, и организации переговоров с палестинцами в Осло.

В израильском правом лагере циркулирует и крепнет мнение, что движущей пружиной для левого лагеря, заставившей его лидеров пойти на переговоры с палестинцами в Осло и последующее «урегулирование», более напоминающее растянутую во времени капитуляцию, было желание раз и навсегда покончить с «правой угрозой». Это достаточно хорошо объясняет не только тактическое нарушение лидерами левого лагеря (и Рабином, и Бараком) собственных предвыборных обещаний, но и серьезнейшее изменение стратегических концепций в отношениях между Израилем и палестинцами, утвержденных ранее на государственном уровне руководством самой Партии Труда, и фактическое

превращение Арафата и его администрации для израильских левых из противников в неформальных партнеров, если и не по коалиции, то по внутривнутриполитической борьбе, партнеров, используемых левыми в противостоянии с «внутренними врагами» из правого лагеря. Как это ни парадоксально, аналогичный подход к палестинцам, со сменой полюсов внутреннего противостояния, проявил и Беньямин Нетаньягу в период нахождения у власти.

В Израиле открыто высказывается мнение, подтверждаемое вескими аргументами, что первоначально обострение палестино-израильского конфликта осенью 2000 года могло явиться следствием прямой договоренности (!) политического руководства Израиля и ПНА (Эхуда Барака и Ясира Арафата), так как позволяло обоим лидерам «сохранить лицо» в условиях явного провала переговоров в Кэмп-Дэвиде, взять под контроль оппозицию в собственном лагере и перейти к окончательному урегулированию в условиях угрозы войны. Если это соответствует действительности, следует отметить, что процесс палестино-израильской конфронтации достаточно быстро вышел из-под контроля, причем уровень агрессии палестинской стороны оказался таким же сюрпризом для израильтян, как острота внутривнутриполитической реакции стороны израильской для палестинцев.

Подводя итоги, отметим, что сложившаяся к концу 90-х годов ситуация, когда основными противниками израильских левых стали израильские правые (и наоборот), а палестинцам и их лидеру была уделена роль «гирь» на весах политического противостояния израильских партий, эффективно реализована администрацией Ясира Арафата, не упустившей ни одной из открывшихся перед ней возможностей, тем более что этому способствовало давление на израильтян

американской администрации, втянутой в процесс переговоров в качестве арбитра и связанной сроками президентских выборов в самих США, для победы на которых демократов любой видимый успех (вне всякой связи с дальнейшим развитием событий) палестино-израильских переговоров давал дополнительные шансы. Осознание этого израильскими политиками и широкой общественностью осенью 2000 года, с возобновлением вооруженного палестино-израильского противостояния, не только не способствовало сглаживанию противоречий между левым и правым лагерями политического истеблишмента страны, но и обострило их, тем более что каждая из сторон использовала ситуацию для сведения счетов, обвиняя конкурентов в провале мирного процесса и в том, что Израиль впервые с Войны за независимость оказался перед непосредственной практической опасностью широкомасштабных столкновений с противником на своей собственной территории.

Теократизация израильского общества и сопротивление ей

На сегодня в Израиле близок к переходу в открытую фазу конфликт между ортодоксальной и светской частью населения. Переход израильской ортодоксии в наступление на светский сионистский истеблишмент, начавшийся в 80-е годы, привел к усилению ее позиций, особенно в годы правления премьер-министра Беньямина Нетаньягу, пришедшего к власти во многом благодаря мобилизации в его пользу голосов ультраортодоксов на выборах главы правительства. При этом в Израиле ни теоретические программы, ни практические шаги по их воплощению в жизнь лидеров основных правых и левых партий, имеющих реальные шансы на выбо-

рах, не отличаются сколь бы то ни было существенным образом. В итоге сложилась патовая ситуация, при которой вопрос о высшей власти в стране в условиях прямых выборов премьер-министра решается либо минимальным большинством голосов, находящимся в пределах статистической погрешности (как на израильских выборах 1996 года или выборах президента США 2000 года), либо голосами протестного и неопределившегося (в основном «русских») или «договорного» (в обычных условиях политически пассивного ортодоксального и ультраортодоксального) электората. Последнее представляет значительный соблазн для высшего эшелона израильских политиков (вне зависимости от партийно-блоковой принадлежности), позволяя вместо сложной агитационно-пропагандистской работы с высокообразованным русскоязычным электоратом, результаты которой не могут быть гарантированы заранее, обеспечить необходимое число голосов, заключив с несколькими лидерами наиболее влиятельных ортодоксальных общин соглашения, включающие ряд «неформальных договоренностей». В любом случае это не только проще, но и, как правило, менее затратно, чем выполнение ими своих предвыборных обещаний (зачастую взаимоисключающих).

Израильская ортодоксия (не говоря уже о ее крайней, ультраортодоксальной части) живет при этом в собственном мире, «параллельном» израильской демократической системе, но подчиняющемся только собственным внутренним законам и правилам, как в юридическом, так и в морально-этическом аспектах.

Формально свободная реализация этой частью израильского электората своего избирательного права всецело подчинена указаниям религиозных «вождей»: сефардских и

ашкиназских каббалистов, духовных «авторитетов» восточных общин, хасидских цадиков, членов «Совета мудрецов Торы» и пр., являющихся абсолютно тоталитарными лидерами для своих последователей. «Вожди» эти буквально торгуют контролируруемыми ими голосами своих избирателей в обмен на бюджетные дотации, политические и идеологические уступки. В результате ортодоксия Израиля буквально «выедаёт» государственную систему, играя крайне деструктивную роль на всех ее уровнях и непрерывно расширяя сферу контроля. Она демонстративно эгоистична, паразитарна и нелояльна по отношению к кормящему ее государству, открыто демонстрируя готовность взаимодействовать с его противниками (сирийцами, Ясиром Арафатом и пр.) на их собственных условиях и даже способствовать им в достижении их целей по ликвидации Государства Израиль. Светское еврейское государство с его соблазнами для потенциальных ортодоксальных «диссидентов» представляется ей наибольшей (за исключением собственного физического истребления) из опасностей. В государстве этом власть ортодоксии ограничена, она хоть и распространяется на существенные сферы общественной жизни, однако не является монопольной. Это представляется ортодоксальным лидерам если и не абсолютным злом, то, во всяком случае, значительно большим нарушением еврейской традиции, чем полностью контролируемая община, живущая по законам Торы и покорно ожидающая, как и в течение двух тысяч лет до того, прихода Машиаха.

Неожиданное усиление светской составляющей Израиля за счет притока огромной для этой страны иммиграционной волны из республик бывшего СССР, высокообразованной и европейски культурно и цивилизационно ориентированной,

повлекло тем большее число конфликтов, что «русская» алия с ее постассимиляционным подходом к смешанным бракам демонстрировала на собственном примере возможность современных светских ответов на целый ряд ключевых для мирового еврейства вопросов, традиционно находившихся в сфере влияния ортодоксии и рассматривавшихся ею как потенциальный «ресурс роста». Ортодоксальный истеблишмент при этом, стремясь ограничить приток «русских» евреев, повел наступление на один из базовых законов Израиля, определяющих характер государства: «Закон о возвращении», аргументируя требования к его изменению значительным числом неевреев, прибывающих в Израиль из республик бывшего СССР и Эфиопии (с учетом нееврейских родственников и детей от смешанных браков, рассматриваемых в рамках ортодоксально-галахической традиции). В реальной жизни это привело не только к перманентной конфликтной ситуации в сфере заключения браков или организации похорон людей, не являющихся евреями с точки зрения ортодоксов, но и к особо остро воспринятым светским населением Израиля инцидентам, когда с кладбищ (контролируемых раввинами) «изгонялись» останки «некошерных» военнослужащих и жертв террористических актов.

Спорный, но весьма характерный лозунг партии ИБА Натана Щаранского на выборах 1999 года: «МВД под ШАС контроль? Нет, МВД под наш контроль» – отчасти отразил настроения израильской «русской улицы» в ее противостоянии с восточными традиционалистами. Разумеется, премьер-министр Израиля Эхуд Барак, выдвигая осенью 2000 года в ходе сложных политических комбинаций, призванных помочь ему сохранить власть на фоне обострения противостояния с палестинцами, программу «Секулярной революции»,

не имел в виду ее реальное воплощение в жизнь. Не следует забывать, однако, что и лидер правой оппозиции Ариэль Шарон, планируя свое посещение Храмовой горы, использованное палестинцами (а по мнению многих экспертов – администрацией Арафата) как повод для развязывания масштабных беспорядков, перешедших в «интифаду Аль-Акса», не предполагал в качестве последствий ничего большего, чем получение незначительного преимущества во внутрипартийной борьбе. Тактический ход Барака привел к тому, что витавшая в воздухе в течение двух десятилетий идея «исправить ошибку Бен-Гуриона», логичная и целесообразная, но выходившая за рамки пресловутого «национального консенсуса», была озвучена одним из ведущих политиков страны. Тем самым она получила не просто «право на жизнь» в легитимном политическом поле Израиля, но и была зафиксирована в массовом сознании в качестве одного из возможных ответов на «ортодоксальный вызов».

Следует отметить, что теократизация Израиля смертельно опасна для его будущего. Прямыми ее следствиями являются: «вымывание» значительной массы населения из жизни страны, включая такие ключевые сферы, как служба в армии и участие в хозяйственно-экономической деятельности, значительно усиливающее нагрузку на остальных ее граждан, ослабление демократических институтов государства и общества, потенциальная эскалация конфликта с арабами со стороны религиозных экстремистов (в частности, последователей р.Меира Кахане) либо, в качестве парадоксальной альтернативы этому, возникновение в Израиле ультраортодоксальной «пятой колонны» палестинцев.

Косвенно же, как это известно на примере Иерусалима и Бней-Брака, смещение общественно-религиозного баланса в

Израиле в сторону усиления влияния и увеличения физического присутствия ортодоксов приводит к бегству из мест их расселения (а зачастую и из страны) светского населения, в первую очередь высокообразованных интеллектуалов, представляющих собою единственный значимый резерв экономики Израиля, процветающей, в отличие от других стран Ближнего Востока, за счет высокого качества человеческих ресурсов, а не за счет эксплуатации невосполнимых запасов минерального сырья.

В поисках национальной идеи

В начале 90-х годов представители израильского истеблишмента так часто упоминали о справедливости суда истории применительно к общественной системе и идеологии, имея в виду крах социалистической системы (вместе с СССР и социалистическим содружеством), и об историческом торжестве сионизма, что это стало банальностью. Современный Израиль, однако, входит в состояние такого же идеологического кризиса, как тот, который не пережил СССР. Сионизм еще как-то «работает» в качестве объединяющей некоторую часть общества идеи, однако его реальное содержание все больше выхолащивается, а внутри истеблишмента нарастает брожение в поисках новых ориентиров. Ориентиры эти по большей части калькируются с западных моделей, не столько потому, что они подходят к местным условиям, сколько вследствие своего рода «политической моды». Израиль в этом ничем не отличается от стран Восточной Европы и большинства постсоветских республик, не исключая и Россию первой половины 90-х годов.

В самом деле, воплощение ортодоксально-религиозной еврейской идеи столкнулось с сопротивлением светского

государства и современного общества. Социалистический сионизм, породивший левый истеблишмент, исчерпал себя вместе с мировой социалистической системой, в которой он исполнял роль гонимого парии. По поводу краха этой системы левые израильские политики немало злорадствовали, не предполагая, что, разрушаясь, она погребет под собой их собственные идеологические догмы и партийные структуры. Ревизионизм в отсутствие лидеров уровня Зеэва Жаботинского выродился в движение, наподобие индийской партии «Джаната», единственной заботой которой было отодвинуть от власти Индийский Национальный Конгресс (параллели между процессами, шедшими в общественно-политической жизни Индии и Израиля на протяжении второй половины XX века, при всей несопоставимости этих стран по большинству параметров заслуживают серьезного анализа). Объединение консервативных западных интеллектуалов, патриотов-государственников и протестного «восточного» электората было не только неустойчивым, но и шатким в идейном плане. Многочисленные «перебежчики» из левого лагеря в правый и обратно (наиболее характерным представителем которых является Давид Леви) и ставшие общим местом израильской политики расколы по всему партийно-фракционному полю, подчиненные единственной логике – логике вождизма и неудовлетворенных персональных амбиций, – лишь подчеркивают ситуацию, в которой официальная сионистская доктрина (так называемый «сионистский консенсус») из содержания превратилась в форму. Разумеется, многочисленные организации, министерства и ведомства, для которых ее воплощение в жизнь является основанием для получения бюджета, сохраняют эту форму в достаточно «презентабельном» виде, однако сути дела это не меняет

так же, как не меняют ее отдельные идеалисты, встречающиеся в большинстве израильских политических объединений.

Объясняется это рядом причин, как объективных, так и субъективных, по большей части таких же, как и в любых других политических системах, однако к концу XX века идеология классического сионизма, сформированная в ее основах в конце XIX – начале XX века, устарела, как устаревает любая идеология. Жизнь оказалась сложнее теории, дав, по мере ее воплощения непредвиденные результаты: идея «киббуц га-луйот» – «плавильного котла» натолкнулась на реалии хода этноцивилизационных процессов точно так же, как «формирование советского человека». Ускорение их в соответствии с политическими теориями и «линией правящей партии» привело не столько к превращению «человеческого материала» в идеального еврея – сабру, сколько к конфликту между израильтянами-ашкеназами и выходцами из восточных общин, проблеме адаптации эфиопских евреев и утере значительного и ценного цивилизационного «багажа» практически всеми волнами репатриантов. Бесперспективность начетнического подхода к столь тонкому и щекотливому процессу, как формирование нации, стала ясна специалистам еще в 70-х годах, однако первой реально «неперевариваемой» группой иммигрантов стали благодаря стечению целого ряда факторов «русские» олим 90-х годов. То, что прямолинейные до наивности попытки подстегнуть историю в Израиле не удались, как не удались они и в СССР, израильское общество начало в полной мере осознавать только в середине 90-х годов, с началом израильской «гласности», когда публицисты и историки подвергли анализу и нелестной критике весь ком-

плекс политической мифологии страны и ее героев, в том числе основателей государства.

Стало окончательно ясно и то, что диаспора, «похороненная бесповоротно и окончательно» в соответствии с классическим сионизмом, не только жива и продуктивна, но и необходима для полноценного существования Государства Израиль не меньше, чем Израиль необходим ей. В ходе «притирки» диаспоры и Израиля, шедшей всю вторую половину XX века, выявились преимущества их симбиоза, однако взаимовыгодное существование диаспоральных институтов и еврейского государства никак не укладывалось в прокрустово ложе теории, созданной в эпоху доминирования в европейской политической мысли терминологии абсолютной политической нетерпимости. Теория сионизма не давала ответа и на вопрос, каким образом может существовать активно функционирующая (как в странах Запада) или даже восстанавливающая заново (как на постсоветском пространстве) свои институты диаспора, не просто взаимодействующая с еврейским государством, но составляющая с ним единую систему с высокой автономией частей относительно центра (Государства Израиль). В то же время ясно было, что именно такую систему «сообщающихся сосудов» и представляют собой еврейские общины мира и еврейское государство к исходу пятого десятка лет параллельного развития.

Из этой ситуации различные группы израильского общества сделали разные (во многом противоположные) выводы:

1. Декадентствующая часть левого истеблишмента (дети и внуки отцов-основателей государства), поверхностно американизированная в худшем смысле этого слова (не воспринявшая дух и основу «американских ценностей», а переняв-

шая фразеологию американских политических салонов), нашла себя в теории «постсионизма», воплощение которой закрывает историю Израиля как переселенческого общества. Как представляется, теория эта основана на значительной переоценке стабильности военно-стратегического, общественно-политического и экономического положения Израиля в мире в целом и на Ближнем Востоке, в частности.

2. «Политический центр» (левый и правый в равной степени), теоретически приверженный в равной мере идеям безопасности, государственности, мирного процесса, алии, компромиссов с религиозной частью общества и т.д. (так называемый «светский сионистский консенсус»), взял на вооружение практику сохранения в неприкосновенности «священных ковров» исторически накопленного идеологического багажа. Практика эта, оправдавшая себя в предшествующие десятилетия, оказалась тупиковой в начале нового века, так как противоречия в основных исходных постулатах теории, существовавшие в скрытой форме, проявились и обострились в период, когда настала пора претворять их в жизнь. Особенно ярко это обнаружилось на примере ближневосточного мирного процесса и практики палестино-израильского урегулирования.

3. Ортодоксия и ультраортодоксия, для которых формально идеологией является Тора, прагматично реализуют «возможности момента» для усиления собственных политических и экономических позиций, используя кризис политического светского сионизма для расширения сферы своего влияния.

4. Израильские арабы, глубоко разочарованные в итогах сотрудничества с сионистским истеблишментом и перспективах собственной интеграции в израильское общество, нашли выход в «палестинизации» своих идеалов, вплоть до ликвидации Израиля как государства.

5. Ультраправые получили поддержку на уровне массового сознания правомочности идей «трансфера» палестинцев и израильских арабов, еще недавно лежавших вне сферы приемлемого для серьезных израильских общественных деятелей и политиков.

6. Национально-религиозный лагерь (за исключением верхнего слоя партийных бюрократов, озабоченных прагматическими вопросами собственной власти и контролируемости бюджетов различного уровня) укрепился и активизировался, оставаясь на позициях правоконсервативного патриотизма с религиозно-государственным уклоном.

7. В «русском» лагере, помимо процессов «размежевания» партий, фракций и лидеров, идущих в рамках внутренней конкурентной борьбы, начались процессы консолидации под натиском слева (со стороны адептов теории «постсионизма»), справа (из лагерей восточных традиционалистов, ортодоксов и ультраортодоксов) и извне (израильско-палестинское противостояние напрямую затронуло интересы «русской» общины Израиля, в том числе вследствие традиционной для палестинцев с советских времен агрессивно-наступательной лоббистской политики в военно-политическом руководстве и СМИ самой России). Парадоксальный союз этих разнородных, но единых в подходе к вопросу о возможности ограничения или полного прекращения алии и изменения «Закона о возвращении» политических сил, значительно повысил политическую активность «русского» Израиля при продолжении поисков «русской улицы» лидеров и идеологии, соответствующей ее интересам.

Как представляется, в современном Израиле существуют две основные (частично совпадающие) группы населения, от которых зависит формирование позитивной национальной

идеи на новом этапе существования государства и само существование этого государства: «русские» и значительная часть национально-религиозного лагеря. Именно новое поколение их лидеров может заменить в израильском истеблишменте доминировавшую в течение десятилетий волну выходцев из левосоциалистических киббуцев и мошавов. Группы эти занимают активную «государственно-патриотическую» позицию: «вязанные кипы» – по идеологическим причинам, «русские» – вследствие ее соответствия традиционной постсоветской ментальности (парадоксально сочетающей стремление к сильному, но толерантному и демократическому вестернизированному светскому государству с высокой степенью социальной защиты и либеральной экономикой).

Интересы их совпадают не полностью, в частности, «русские» значительно более толерантны в религиозных вопросах, чем представители национально-религиозного лагеря, что вызвано не только высоким процентом смешанных браков в их среде, но и опорой основной ее массы на постассимиляционные представления о еврейской идентичности, представляющие значительный шаг вперед по сравнению с традиционно распространенными в Израиле и еврейской диаспоре. Различаются и сферы их активности. «Вязанные кипы» составляют основу поселенческого движения, активны в экономике, в том числе в частном секторе, академической, военной и партийно-бюрократической среде, занимая значительное число мест в высшем и среднем управленческом аппарате (командном составе). «Русские» реализуют себя с наибольшим успехом в академическом мире и промышленно-сти высоких технологий, играют чрезвычайно важную роль для пополнения рядов ЦАХАЛа (израильской армии) и посе-

ленцев (хотя и не занимают там руководящих постов), а в государственно-бюрократической сфере делают первые серьезные шаги (в том числе на муниципальном уровне).

Союз «русских» и «вязаных кип» потенциально может стать тем ядром, вокруг которого возможно объединение центристского лагеря. Сегодня рано говорить о том, смогут ли эти электоральные группы преодолеть объективно существующие между ними противоречия, выработать взаимоприемлемую идеологию и совместную программу действий, и в какой мере возможно будет воплощение ее в жизнь в условиях израильской политической действительности. Наиболее серьезной потенциальной основой для этого является совпадение для них «образа врага» – как внешнего (палестинцы), так и внутреннего (ортодоксы, ультралевые и израильские арабы с момента их выступления на стороне палестинцев в ходе «интифады Аль-Акса»), а также наличие в Израиле значительной прослойки «русских» (в первую очередь в академической среде и поселенческом движении), принадлежащих к национально-религиозному лагерю.

Кризис идентификации израильских арабов – частная проблема или начало гражданской войны?

На протяжении всей израильской истории государственная политика в отношении коренного населения, в первую очередь арабов-палестинцев, особенно мусульман, как граждан Израиля, так и жителей контролируемых им после 1967 года территорий, была противоречивой и двойственной, при том что границы, разделявшие эти группы, были достаточно условны. Статус первой группы был достаточно высок, и их права закреплялись и защищались израильским законодательством, однако на практике это все же был ста-

тус граждан «второго сорта». Вторая группа оставалась практически вне системы израильской правовой и социальной защиты, однако на протяжении десятилетий жизнь ее полностью контролировалась и регламентировалась израильтянами. Поскольку в основе своей барьеры, препятствовавшие коренным жителям страны, составлявшим значительную часть ее населения, влиться в ее жизнь на тех же правах, что и большинство, представленное иммигрантами и их потомками, были национальными и религиозными, преодолеть их было практически невозможно. Одновременно те же самые национальные традиции, которые препятствовали полноценной интеграции арабов в еврейском государстве, не допускали силового решения палестинской проблемы.

Известны несколько вариантов решения аналогичных проблем, в том числе в государствах переселенческого типа. Латиноамериканский путь предполагал смешение иммигрантов и коренных жителей. Североамериканский – аннексию отторгнутых (в данном случае у Мексики) территорий и интеграцию их населения. Индо-пакистанский (после распада Британской империи) и восточноевропейский (в случае с немецким населением Пруссии, Польши и Чехословакии после Второй мировой войны) – насильственное переселение меньшинства – «трансфер». Существовали и более жесткие австралийская и южноафриканская модели апартеида. Ни один из этих путей не был реализован в Израиле, и в конечном счете арабская проблема стала одним из ключевых вопросов внутренней политики страны.

На протяжении десятилетий арабские граждане страны проявляли достаточно высокую лояльность к правящему режиму, в том числе и в периоды военной конфронтации Израиля с соседними арабскими странами. В то же время в

стране сложилась неформальная, однако общеизвестная «шкала лояльности» этноконфессиональных меньшинств. Наиболее полно ее отражала возможность для их представителей проходить службу в израильской армии (на протяжении десятилетий определявшая социальный статус израильтянина и его карьеру). Ряд этот (в сторону убывания лояльности, согласно бытовавшим в обществе и истеблишменте стереотипам) составляли: самаритяне и друзы, черкесы, бедуины, арабы-христиане, арабы-мусульмане. Государственная национальная политика в Израиле построена на причудливой смеси заветов Торы, местных традиций и законодательных актов времен турецкой империи и британского мандата, принципов и стереотипов, восходящих к национальной политике советско-сталинского типа, укоренившихся со времен ишува и первых лет существования государства, а также современных израильских реалий. Израиль, несмотря на весь демократический потенциал, заложенный в основе общества, не является «обществом равных прав, обязанностей и возможностей». Это являлось и является главным «минным полем» на пути развития страны в современных условиях. Первым «взорвался» конфликт с палестинцами. Осень 2000 года стала «моментом истины» в отношениях Израиля с израильскими арабами.

Качественное изменение самоидентификации арабских граждан Израиля, их внутренняя палестинизация, особенно радикальная в среде истеблишмента (в том числе политического), привела к их столкновению (впервые со времен Войны за независимость 1948 года) с израильской государственной машиной и еврейскими соседями. Как представляется, ситуация эта тем более опасна, что в ней заложена возможность перерастания в полноценную гражданскую

войну. Разумеется, в Израиле немало чисто еврейских или чисто арабских населенных пунктов (особенно в сельской местности), однако не следует забывать, что население большинства городов страны – смешанное, живущее более или менее обособленно в лучшем случае на уровне кварталов. Конфликт евреев с арабами в Израиле идет либо на уровне столкновения жителей отдельных арабских и еврейских населенных пунктов (Назарет против Нацерет-Илита), включая взаимную блокаду транспортных магистралей, либо кварталов, улиц и отдельных объектов (рынков) в крупных населенных пунктах страны (Акко, Хайфе, Тель-Авиве, Иерусалиме и пр.). Табу в израильских СМИ на само упоминание о возможности гражданской войны в Израиле не меняет ситуации, сложившейся де-факто: в столкновения вступают граждане одной и той же страны, с одними и теми же паспортами. Если это еще и не гражданская война, то нечто весьма на нее похожее.

Опросы общественного мнения (в том числе проведенные такими влиятельными зарубежными аналитическими центрами, как институт Гэллапа) показывают, что взаимное недоверие между евреями и арабами, существовавшее подспудно всегда, укоренилось в израильском обществе вследствие столкновений в ходе «интифады Аль-Акса» чрезвычайно, если не необратимо глубоко. Большинство израильтян на современном этапе готово пойти на выселение из страны израильских арабов, рассматривая их как «пятую колонну» Ясира Арафата. В то же время, сами израильские арабы считают себя значительно более лояльными палестинскому руководству, чем к Израилю. Даже поверхностный анализ современных программ арабского сектора израильской системы образования, в частности школьного, действу-

ющих под патронажем левых израильских партий, показывает смещение заложенных в них базовых установок с лояльности и толерантности – на конфликт с системой. Арабские учащиеся в израильских школах на протяжении ряда лет обучаются преподавателями (с израильским гражданством), которые ставят в качестве главной цели внедрение в умы своих подопечных не гражданского патриотизма, основанного на идее национального, религиозного и цивилизационного сосуществования с соседями в Государстве Израиль, но ощущения себя в качестве части оккупированного народа и необходимости освобождения от оккупационного режима. В арабской среде современного Израиля ставка на эволюцию израильского общества в сторону подлинного равноправия замещена, таким образом, на стремление к отделению арабов от прочих жителей страны и романтизируемое воссоединение с палестинцами в собственном мононациональном арабском государстве.

Эскалация столкновений евреев с арабами в Израиле подвергает серьезному испытанию лояльность и других национальных меньшинств страны, провоцируя осложнение их отношений с государством. Косвенно конфликт этот усиливает противостояние в израильском обществе между левыми и правыми, а также, если он не будет погашен, может заложить юридические и политические прецеденты, на основании которых раскол между субэтническими группами в Израиле в более или менее отдаленном будущем способен выйти на стадию столкновений, создавая для лидеров меньшинств соблазн вступить с государством в силовое противостояние для решения общинно-групповых противоречий.

Некоторый оптимизм внушает ход внутренней эволюции израильского общества, допускающего на современном этапе

значительно большее число «степеней свобод» в своей внутренней структуре, чем это было возможно еще недавно. В принципе, сосуществование арабского элемента в Израиле на равных правах с прочими вполне возможно в рамках эволюции израильского общества к мультикультурализму в рамках тенденции, доминирующей в общечеловеческой, в частности западной, цивилизации сегодня. Основу этого могло составить осознание значительной частью общества самоценности для будущего Израиля всех его составляющих, включая восточные общины, «русских», «эфиопов» и пр., при сохранении ими культурно-цивилизационной самобытности, а также усиление светской составляющей государства в лице «русской улицы», основу которой составили репатрианты 90-х годов, не имевшие истории собственного конфликта с арабами. До последнего времени интересы израильских «русских» (сохранение культурной автономии при полноправной интеграции в общество на всех его уровнях) во многом совпадали с интересами израильских арабов, конкуренты были теми же (восточные общины – в первую очередь «марокканцы»), да и отстраненно-покровительственное отношение к обеим этим группам левого истеблишмента во многом совпадало. «Интифада Аль-Акса» заложила в Израиле основу арабо-еврейского конфликта нового поколения, в том числе между израильскими арабами и новыми репатриантами. Сегодня неясно, как именно он может быть разрешен, ясно лишь, что на это уйдут годы, если не десятилетия. Представляется очевидным также, что если внутренний конфликт с арабами в Израиле действительно перейдет в состояние гражданской войны, исторический опыт, имперская ментальность и крайне болезненное отношение к территориальным и политическим компромиссам «русских» станут факторами, настолько же обостря-

ющими и ужесточающими противостояние, насколько они могли лечь в основу сосуществования с арабами в условиях гражданского мира.

9. ДОЖИВЕТ ЛИ ИЗРАИЛЬ ДО СТОЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ?

Формулируя «итоги момента» текущей общественно-политической ситуации в Государстве Израиль, автор хотел бы вернуться к двум собственным текстам, в которых в свое время были даны некоторые оценки и прогнозы. Ретроспектива такого рода представляется оправданной, несмотря на значительный объем приводимых (с купюрами) цитат. Первая из них – выдержка из статьи «Мифы и реалии на весах истории», открывавшей апрельский выпуск журнала «Азия и Африка сегодня» за 1997 год «Ближний Восток на пороге XXI века», сформированный Институтом изучения Израиля и Ближнего Востока:

«Мирный диалог Израиля с палестинцами последнего времени – это разговор еще сильного, но внутренне смирившегося с поражением государства, готового на уступки и уверившего себя, что эти уступки – единственное, что может его спасти, пока еще не поздно, с организацией, стремящейся к власти и собственному государству, которой некуда отступать и которая, в отличие от Израиля, готова на все для достижения поставленных целей. ООП выступает сегодня в той самой роли, в которой выступали соратники Бен-Гуриона, демонстрируя умение добиваться своего и прямым нажимом, и идеологическим прессингом, консолидировать собственные ряды, разъединяя противника. Роль же Израиля – ближе всего к роли англичан, маневрировавших до последней возможности, но не имевших никакого желания идти на крайности ради удержания сначала всей полноты власти, а затем и самой власти...

...Строго говоря, сегодня совершенно неясно, какой будет окончательная редакция мира между Израилем и палестинцами, какое именно будущее Израилю он сулит, насколько он будет прочным и долгим и, что немаловажно, какими будут отношения палестинского образования с арабскими соседями. В перспективе просматривается что угодно, за исключением идиллии. Процесс установления мира на Ближнем Востоке напоминает хождение по ускользающей из-под ног доске, протянутой сквозь густой туман неизвестно куда, с борта движущегося по бурному морю корабля, на палубе которого идет кровопролитная схватка. Некоторая вероятность сойти на безопасный берег есть, но шансов пойти ко дну намного больше. Заставить решиться на такое может не столько трезвый расчет и видение цели, сколько понимание того, что прежний курс себя окончательно исчерпал и там-то уж точно ничто хорошее не ждет».

Второй пассаж содержится в заключении к вышедшей в 1998 году книге «Экономика Израиля в 90-е годы»:

«Представляется очевидным, что в Израиле к концу XX века сформировалась устойчивая и, в целом, успешно прогрессирующая по пути интенсивного использования внутренних ресурсов экономическая система, имеющая достаточный запас прочности, способная к саморазвитию и являющаяся интегральной частью мирового хозяйства. Массовая трудовая иммиграция в Израиль в 90-е годы из стран Восточной Европы и «третьего мира» свидетельствует, что страна прошла период, когда само ее будущее находилось под вопросом и зависело от того, в каком соотношении находятся показатели иммиграции и эмиграции – «алии» и «йериды». Обратной стороной этого процесса явилось осознание истеблишментом страны (в форме теории «постсионизма») исчерпаемости ре-

зернов ее развития по пути активной эксплуатации национального варианта «переселенческого общества», черты которого Израиль постепенно теряет.

В то же время можно констатировать, что в ходе проходивших в 90-е годы в Израиле под давлением внутренних и внешних факторов процессов трансформации экономики и социально-общественного устройства, различные сегменты хозяйства развивались с разной скоростью и интенсивностью. При этом его экономика представляла собой к началу рассматриваемого периода сложную систему, элементы которой находились на различных этапах доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества, пребывая в сложной взаимной зависимости. Происходило это вследствие того, что в израильском обществе (что в полной мере отражалось в его экономической базе) сосуществовали в конкурентной борьбе группы населения, ориентирующиеся в повседневной жизни на нормы и правила, спектр которых лежал в диапазоне от религиозно-патриархальных до социал-демократических и коммунистических. Практикуемые ими формы и методы управления и ведения хозяйства, прогрессивные на определенном этапе развития общества и государства, со временем переставали быть таковыми, а иногда превращались в тормоз на пути его развития. В условиях Израиля, где достижение общественной стабильности и ее поддержание традиционно рассматривалось национальной элитой как одна из главных целей, общественно-экономические структуры такого рода, как правило, не отмирали и не эволюционировали, а продолжали существовать на паразитарной основе, т.е. ценой социальной стабильности было замедление развития общества и государства в целом. В эту модель развития были встроены (и на протя-

жении десятилетий являлись одними из наиболее фундаментальных ее элементов) возможности интенсивной эксплуатации массовой иммиграции, включая иммиграцию как фактор привлечения внешних инвестиций, и контролируемого де-факто политически и экономически населения палестинских территорий при отсутствии бремени инвестиционных затрат соответствующего уровня в развитие их собственной инфраструктуры.

Таким образом, в самой структуре израильской общественно-политической и экономической системы заложены внутренняя противоречивость и конфликтный потенциал, которые делают возможным развитие ее по двум основным «сценариям». По первому из них – страна продолжает двигаться по пути интенсивного развития, становления постиндустриального общества, углубления интеграции в мировое хозяйство и в окружающий регион на основе специализации ведущих отраслей национального хозяйства и либерализации экономики, модернизации воспроизводственных механизмов (при сохранении национальной специфики) и повышения жизненных стандартов населения. Согласно второму – Израиль не сможет преодолеть внутренних противоречий и вернется на путь индустриально-аграрного развития по «левантийской» модели, ведущей к превращению страны в подобие одного из государств Южной Европы с сопутствующей этой модели консервацией существующих элементов социального, религиозного и общественного устройства, неизбежным усилением влияния религии на общество и государство, прямого участия государства в экономике и пр.

Не только объективный ход поступательного развития мировой экономики, но и сложившаяся к концу 90-х годов региональная геополитическая ситуация подталкивают Изра-

иль к движению по первому пути. В случае развития событий по второму «сценарию» – страна теряет свою привлекательность как для потенциальных иммигрантов – главного ресурса развития национальной экономики в течение всей ее истории, так и для потенциальных инвесторов, а палестинские «территории», служившие базой экстенсивного развития израильского хозяйства на протяжении трех десятилетий, не только перестают быть ею, но и становятся конкурентом Израиля, в том числе на внешних рынках, так как процесс становления собственной экономики ПНА представляется необратимым. В то же время в случае продолжения развития экономики Израиля по пути, наметившемуся в 90-е годы, достаточно вероятной представляется реализация выдвинутого руководством ООП плана «ближневосточного Бенилюкса» – экономической конфедерации Израиля, Палестины и, возможно, Иордании (при сохранении их политической независимости), в рамках которой экономики арабских партнеров занимают свои ниши в кооперации с израильской и становятся ее дополнением.

Следует учитывать, однако, всю глубину существующего социального раскола израильского общества и взрывоопасность внутривнутриполитической ситуации в стране в отсутствие четко выраженной национальной идеи того уровня, которая могла бы заменить выдвинутую в свое время политическим сионизмом идею «собираания диаспоры» как центральную, «стержневую» идею существования государства. Неустойчивость внутриизраильского общественно-политического равновесия позволяет предположить возможность эволюции Израиля (под воздействием давления эгоистических интересов значительной части его населения) именно ко второй, «левантийской» модели. Не исключено и то, что, вне зави-

симости от достижений в экономическом развитии страны, углубление противоречий между ультраортодоксальной и светской частью общества, при сохранении практики агрессивного давления на государство со стороны израильских ультраортодоксов, вызовет в Израиле кризис с непредсказуемыми последствиями, вплоть до гражданской войны. Создание ПНА в этом случае играет роль детонатора, а ближневосточный мирный процесс оборачивается своей противоположностью, позволяя в отсутствие внешнеполитического давления «выплеснуть» накопившиеся внутренние противоречия этнических, социальных и религиозных групп. Сколь бы маловероятной ни представлялась эволюция Израиля именно по такому пути, исторический опыт и специфика этой страны заставляют учитывать и такую возможность».

Как представляется сегодня, в начале 2001 года, события в Израиле и вокруг него развиваются по достаточно негативному (как для этой страны, так и для региона в целом) сценарию. Страна не получила «дивидендов мирного процесса», о которых столь много говорилось в левом лагере в 90-е годы, напротив, ее внутри- и внешнеполитическое положение к исходу XX века стало значительно менее устойчивым, чем за десятилетие до того. Потеряв территории, она не приобрела ни внутреннего, ни внешнего мира, опасность терроризма возросла, а буквально возродившиеся из пепла после Войны в Заливе палестинские военно-политические структуры из фактора относительно слабой внешней угрозы превратились в решающий фактор внутренней политики. При этом события осени 2000 года поставили под вопрос саму возможность мирного сосуществования Израиля с палестинским государством, вне зависимости от объективной выгоды от сотрудничества для палестинцев и уровня отношений между правящими элитами.

Режим арабского бойкота, прорывом которого так гордился левый «лагерь мира», де-факто восстановлен, а лояльность арабских граждан Израиля – потеряна, как и возможность постепенного включения жителей территорий в инфраструктуру государства. Реальностью становится и возрождение военного, политического и экономического могущества и консолидирующей антиизраильской роли наиболее серьезных врагов Израиля – Ирака и Ирана. Международное давление на Израиль чрезвычайно усилилось, причем исчезновение с политической карты мира СССР – главного идеологического оппонента Израиля – и переход постсоветских республик к взвешенному балансированию между Израилем и его противниками, компенсируются общим фоном мировой политики, склоняющейся на их сторону. Заинтересованность в Израиле его главного союзника – США – в условиях отсутствия фактора американо-советского противостояния под вопросом, а американские инициативы в области мирного урегулирования создают Израилю больше проблем, чем преимуществ. Отношения Израиля с его главным внешнеполитическим союзником и «ресурсом» – организованной еврейской диаспорой – осложнены, в значительной мере по вине самого Израиля.

Всех этих обстоятельств никак не перевешивают несомненные достижения Израиля в области экономического развития – следствие притока в страну иммигрантов из бывшего СССР. Разобщенность израильского общества, провоцируемая неразрешимыми бесконфликтно внутренними противоречиями, заложенными в самой его структуре; паралич политической воли руководства страны и его неспособность сплотиться даже перед лицом внешнего врага; интеллектуальная деградация израильского истеблишмента, эрозия патриотизма в его среде и его подчиненность внешнему (американскому) давлению, завися-

щему от сиюминутных перипетий внутренней политики США; идеологический кризис, сопровождающийся публичной критикой «священных коров» сионизма и самих отцов-основателей государства (израильская «гласность»); повышенное внимание мирового сообщества к любым событиям в Израиле, агрессивная реакция на них внешнего мира, зачастую в форме открытого антисемитизма, и чувствительность страны к этой реакции; наконец, осознание реальной ситуации благодаря открытости внутреннего информационного рынка «широкими народными массами» израильтян и использование этого осознания в личных целях всеми и всяческими политическими и духовными «лидерами», в том числе самого авантюрного толка, – все эти факторы создают нечто, весьма напоминающее памятную по работам классиков «революционную ситуацию», когда «верхи не могут управлять, а низы не хотят подчиняться». Сравнение это условно и настоящим применено скорее в качестве гиперболизированной *иллюстрации* текущей израильской реальности, чем как утверждение о *необратимости* процессов, идущих в Израиле и вокруг него, или *неотвратимости* гражданской войны в Израиле, с возможной гибелью еврейского государства и соответствующими последствиями для его соседей. В то же время представляется оправданным обозначить некоторые возможные пути развития политической ситуации в Израиле, своего рода «рецепты политической кухни», и охарактеризовать проблемы, возникающие в каждом конкретном случае перед израильским обществом и руководством страны.

Прекращение палестино-израильского диалога в его современном формате ставит на повестку дня одностороннее «силовое» *отделение* Израиля от Палестины (с возможным территориальным обменом, либо *аннексию* Израилем палестинских территорий (полностью или частично). Последнее влечет за собой

проблему превращения Израиля, основанного как еврейское государство, в государство *арабо-еврейское*, либо *общегражданское* – «равных стартовых возможностей» (без различия в правах и обязанностях граждан), либо необходимость «*израилизации*» израильских арабов и палестинцев. Альтернатива – «*трансфер*» – выселение из страны палестинцев, а в случае обострения внутреннего противостояния – и израильских арабов.

Реальное отделение Израиля от Палестины, учитывая всю совокупность факторов, вряд ли возможно. Опыт «проходимости» с арабской стороны границ Израиля (египетской, иорданской, ливанской, даже сирийской – наиболее укрепленной) свидетельствует в полной мере о фантастичности популярных в свое время в левом лагере идей, типа идеи «электронного забора». Такой шаг позволяет палестинцам получить в одночасье собственное государство, однако переводит все их дальнейшие отношения с Израилем в межгосударственную сферу с принятыми в ней законами. Показательно, что именно палестинцы возражают против одностороннего отделения от них Израиля (так же, как официальный Бейрут и, особенно, Дамаск возражали против одностороннего вывода израильских войск из Ливана). Речь в этом случае идет не столько о потере возможности территориального торга или закрытия де-факто Израилем вопросов об Иерусалиме, возвращении палестинских беженцев и пр., сколько о том, что Палестина в ее сегодняшнем состоянии, жестко отделенная от Израиля, не сможет трудоустроить своих жителей и наладить собственную производящую экономику, не говоря уже об инфраструктуре и системе социального обеспечения.

Идея создания в Палестине арабо-еврейского государства укоренилась в израильском политическом мышлении со времен ишува и не была реализована в первую очередь из-за

оппозиции арабских лидеров. Однако для создания такого рода объединения Израилю нужен достаточно влиятельный и близкий партнер с арабской (палестинской) стороны. Как теперь ясно израильскому истеблишменту, Ясир Арафат таким партнером не является (так как либо не контролирует ситуацию на палестинской «улице», либо ведет собственную игру, нарушая гласные или негласные договоренности с израильтянами, либо находится под слишком сильным внешним влиянием). Ясно, что в качестве партнера такого рода не могут быть рассмотрены и другие лидеры сегодняшней политической элиты палестинцев, нацеленной в долгосрочной перспективе на противостояние с израильтянами, а не на сотрудничество с ними еще в большей мере, чем сам Арафат.

Преобразование Израиля в общегражданское государство по примеру США, Бразилии или России в принципе возможно, однако на пути этого неминуемо встанет сопротивление огромного большинства существующих политических, общественных и религиозных институтов страны, не говоря уже о еврейской диаспоре. По сути, для израильтян это возможно либо в случае прихода к власти в стране «просвещенно-авторитарного» режима, выбравшего именно такую стратегию национального развития, либо «на общих (палестино-израильских) руинах». Что касается палестинцев, – они, как представляется, примут такое развитие событий с меньшим сопротивлением, чем израильтяне, рассматривая его как благоприятное для себя, учитывая возможность использования «демографической бомбы»: значительно более высокого прироста населения у арабов по сравнению с евреями и, как следствие, естественную арабизацию общегражданского государства в перспективе.

Процесс «израилизации» («евреизации» – ассимиляции в еврейском народе, а не еврейского народа) инородных этниче-

ских групп успешно шел на окраинах еврейского государства в древности и на его дальней периферии – через механизм религиозного прозелитизма – в средневековье (царство Адиабена, берберы Магриба, Йемен, племена Аравийского полуострова, Хазарский каганат). В современном Израиле он идет в смешанных семьях (особенно среди выходцев из республик бывшего СССР, для большинства из которых религиозный аспект еврейства не является сколь бы то ни было значимым по сравнению с этническим), а в мировой еврейской диаспоре распространен в конце XX века едва ли не шире, чем ассимиляция евреев.

Процесс этот по отношению к арабам в Израиле, учитывая доминирование вестернизированного современного общества с его наднациональным устройством над обществом традиционным (в том числе еврейским), не так уж невозможен, хотя, как и формирование бразильцев, аргентинцев или американцев (в частности из арабских иммигрантов), займет не одно десятилетие и будет достаточно болезненным. Механизм его в случае воплощения в жизнь именно такого варианта развития событий, скорее всего, будет напоминать «русификацию» национальной элиты в советской Средней Азии и Казахстане, причем не следует забывать о его обратимости (что и было продемонстрировано в постсоветской политической действительности). Осложняющим ассимиляцию палестинцев в Израиле фактором станет значительная палестинская периферия за пределами страны, серьезное сопротивление окажет такому развитию событий ассимилируемый палестинский истеблишмент и религиозная часть общества (как арабская, так и еврейская). На отношениях Израиля с западной еврейской диаспорой, определяющей себя конфессионально, это также скажется негативным образом.

«Трансфер» палестинцев, как и аннексия территорий, организационно несложен, более того – в качестве полити-

ческого инструмента широко и неоднократно применялся в мировой политике не только начала (армяно- и греко-турецкие отношения) или середины (депортация немцев из Центральной и Восточной Европы, раздел Британской Индии и Кипра), но и конца XX века (этнические конфликты в Центральной Африке, Югославии и на Кавказе). В то же время он, несомненно, вызовет не только крайне жесткое сопротивление палестинцев и мирового сообщества, включая арабский и в целом исламский мир, а также организованную еврейскую диаспору, но и пагубно отразится на состоянии гражданского общества в Израиле, в том числе на отношениях правящей элиты с национальными меньшинствами. Однако совершенно исключить возможность его проведения на современном этапе развития событий на Ближнем Востоке нельзя. Спровоцировать его может массовая гибель гражданского населения Израиля вследствие *широкомасштабной региональной войны, эскалации конфликта* с палестинцами и израильскими арабами, либо *гражданской войны* в Израиле. В этом случае значительно повышается вероятность установления в стране *авторитарного режима* («режима сильной руки») как режима кризисного, решающего задачу национального спасения.

Боязнь прихода к власти «диктатора» – синдром израильской политики, известный еще со времен Бен-Гуриона. В течение многих лет Ариэль Шарон – один из наиболее талантливых организаторов, политиков и военных руководителей Израиля, обладающий не только огромным личным опытом и влиянием, но и подлинной харизмой и склонный к нетрадиционным для израильской политики шагам, – был тем человеком, в котором видели потенциального «диктатора». В немалой степени именно этим объясняется то, что он ни

разу не занимал поста премьер-министра, причем руководство его собственного (им самим в огромной мере и созданного) политического блока сделало для этого едва ли не больше, чем его политические противники. Фигуры сравнимого с ним масштаба на современном израильском политическом фоне нет, а сам он слишком стар, чтобы всерьез претендовать на высшую политическую власть в стране, однако в случае соответствующего развития событий в Израиле и вокруг него приход к власти авторитарного лидера может оказаться единственным выходом для страны, как в свое время он оказался единственным для Франции, Испании, Аргентины или Чили.

Широкомасштабная региональная война (маловероятный, но все же не исключенный вариант развития событий), по мнению большинства экспертов, окончится в пользу Израиля через 10-14 дней после ее начала, причем в случае вовлечения в войну Ирана или Ирака на стороне Израиля выступают США. Начаться она может только в случае, если арабские страны будут втянуты в конфликт с Израилем палестинцами, причем это возможно при условии, что часть военно-политической элиты соседних с Израилем арабских стран (например, Сирии) пойдет им навстречу не столько во имя палестинских интересов, или даже разгрома и уничтожения Израиля (маловероятность этого события ясна современным арабским стратегам), сколько для ослабления позиций собственного руководства после неизбежного поражения (в отсутствие реальной опасности оккупации арабских территорий и столиц израильянами) и решения тем самым собственных внутривнутриполитических задач. Главным препятствием на пути такого развития событий служит позиция Египта – не только самого влиятельного арабского государства региона, но и единственного, во главе которого

стоит человек, имеющий личный опыт военных столкновений с Израилем. Именно позиция Хосни Мубарака до той поры, пока он удерживает власть в Египте, служит основным сдерживающим фактором для Ясира Арафата в его стремлении интернационализировать конфликт.

Продолжение «вялотекущего» конфликта с палестинцами на том уровне, который поддерживается администрацией ПНА с начала осени 2000 года, влечет ухудшение отношений Израиля с внешним миром, провоцирует региональный конфликт и усиливает противостояние в израильском обществе, напряжение в котором постоянно растет, все более приближаясь к уровню, при котором поддержание гражданского мира в стране может стать невозможным. В случае, если израильское руководство «заморозит» ситуацию конфликта, оно нанесет удар не только по палестинцам, но и по собственной стране, провоцируя ее поворот к состоянию экономической и политической стагнации и возврат к политике «левантизации» 80-х годов. В то же время продолжение практики уступок палестинцам в вопросах поселений, Иерусалима и возврата беженцев (с неопределенной границей претензий палестинской стороны, вплоть до распространения их на всю территорию Израиля) не только означает политическое самоубийство пошедшего по такому пути израильского правительства, но и провоцирует гражданскую войну в Израиле со всеми вытекающими из нее последствиями, в том числе для самих палестинцев и соседних с Израилем стран.

Следует отметить, что давление мирового сообщества, как и коспонсоров мирного процесса (в первую очередь – США), не столько способствует нормализации палестино-израильских отношений, подлинному разрешению конфликта и установлению гражданского мира, сколько провоцирует за-

тушевывание существующих проблем, их закрепление и уход «вглубь». Мир этот, как показали столкновения 2000 года, чрезвычайно непрочен, причем каждая из сторон ощущает себя пострадавшей и обманутой. Реальный баланс сил и баланс взаимоприемлемого для обоих народов (а не для отдельных представителей политического палестинского и израильского истеблишмента) так и не определен, что, учитывая крайнюю политизацию палестинской и израильской «улицы», не дает возможности говорить о прекращении конфликта, вне зависимости от содержания принятых по этому поводу деклараций и резолюций ООН или других международных организаций. При этом главным гарантом возможности реализации чаяний и прав палестинцев служит, как это ни парадоксально, не поддержка арабского мира, а комплекс внутренних морально-этических норм, закрепленный на правах основополагающих принципов в еврейской общественно-политической традиции. Именно эти нормы препятствуют жесткому силовому решению конфликта в одностороннем порядке и заставляют Израиль оставаться основным финансово-экономическим источником существования ПНА.

В то же время не следует забывать о продолжающем действовать и в Израиле, и в еврейской диаспоре «синдроме Холокоста». Понимание того, что Израиль является «последним страховым полисом» диаспоры, а та, в свою очередь, единственным постоянным союзником Израиля – настолько же живо в еврейском мире, как и сразу после Второй мировой войны, когда был выдвинут принцип «никогда больше». Совпадение «интифады Аль-Акса» с атаками на еврейские общины по всему миру (в том числе в странах Запада) укрепило эту связь.

В Израиле, как мы видим, борются, как и на протяжении всей истории народа и государства, носящих это имя, цен-

тробежная и центростремительная тенденции. Усиление или ослабление связей в обществе находится в сложной взаимосвязи с конечным, но чрезвычайно большим набором внешних и внутренних факторов. Сегодня нельзя с уверенностью сказать, сможет ли государство, на протяжении тысячелетий демонстрировавшее не только феноменальную способность возрождаться на том же месте, где оно первоначально возникло, но и крайнюю непродолжительность периодов независимого существования, пройти через испытания «на прочность» современного периода своего существования. Оно имеет весьма серьезные шансы «не дожить» до своего столетнего юбилея, причем основными причинами этого могут стать не столько внешнее давление его противников или разрушительный эффект от усилий мирового сообщества по ближневосточному мирному урегулированию, сколько причины внутренние. С уверенностью можно сказать лишь, что коллапс Израиля (даже без учета существующего в его распоряжении оружия массового поражения), в какой бы форме он ни произошел, окажется для всего региона (и в первую очередь для палестинцев) значительно более сокрушительным ударом, чем необходимость сосуществования или конфронтации с ним. Вспоминая же о ядерной программе Израиля и гипотетическом (официально), но от этого не менее реальном наличии у него ядерного оружия, следует отметить, что единственной ситуацией, в которой оно практически наверняка может быть применено, является как раз ситуация, в которой уничтожение страны становится реальностью для ее истеблишмента и военно-политического руководства.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ
И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.3.
17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Сирийская Арабская Республика".
19. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
20. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 4.
21. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества (израильская модель)".
25. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
26. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян** "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (совместно с ИВ РАН).
27. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока".
29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия".
31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
33. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии".
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 7.
42. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
43. **Е.Я.Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).

45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".
49. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник.
52. **М.Р.Арунова** "Афганская политика США в 1945-1999 гг."
53. **С.Э.Бабкин** "Движения политического ислама в Северной Африке".
54. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
55. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки". (Совместно с Институтом Африки РАН).
59. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
60. **Аль-Харири Мухаммад** "Налоговые системы Сирии и Египта".
61. **К.И.Поляков** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей.

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. В.А.Исаев, А.О.Филоник **"Султанат Оман"**.

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio-economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century", (collection of es-
says). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
13. "The contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of
essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Rus-
sian Academy of Sciences
16. "The contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic
Development" by **N.Mamedova**
18. "The Syrian Arab Republic"
19. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov,
L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
20. "The contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)
21. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of
essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Rus-
sian Academy of Sciences

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
26. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov** and **A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
27. "The contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"
29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria** and **A.Yakovlev**
33. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik** and **V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In operation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "The contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)

42. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**
44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
54. "Political Elite in the Middle East"
55. "The Middle East: Problems of regional Security" № 9, (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
56. "The contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)
58. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian** and **A.Tkachenko**
59. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
60. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Poljakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik** and **V.Isaev**